

* * *

Э. Д. 62 года, поселок Дзау¹, педагог

Я родилась и выросла в Джаве. Отец мой джавский. Он в свое время, в Советское время, работал начальником милиции Первомайского района Тбилиси. Это самый большой район в Тбилиси. Потом он был начальником милиции в городе Хашури. Он жил среди грузин, к нам приходили его друзья, пожилые уже люди, и я бы никогда не подумала, что между нами может произойти такое и что они к нам больше никогда не придут или что они могут предать или подвести. Но случилось, конечно, страшное. К тому времени родителей уже не было в живых, но мой брат, который тоже родился в Хашури, хотя он и детство, и юность провел в Джаве, но родился там, заболел онкологией и мы хотели его вывезти в Тбилиси, но уже получилось так, что об этом даже речи уже идти не могло. У нас были соседи грузины, были у меня друзья в Тбилиси, молодые люди, с которыми я отдыхала в лагерях. Потом мне часто как учителю русского языка и литературы приводилось вывозить учащихся. Когда мы изучали Лермонтова, вывозила их в монастырь во Мцхета. Я несколько раз вывозила детей, чтобы показать им могилу Грибоедова, который похоронен на Святой горе Мтацминда. Я и сегодня не могу понять, как всё это – большая любовь, большая дружба вот так просто сошли на нет.

Было начало 90-х годов. Нам позвонили и сказали, что будет нашествие на город. А двое из моих дочерей на тот момент были замужем и жили в Цхинвале. И когда я поняла, что свободно в город уже ездить нельзя и что я какое-то время не смогу увидеться со своими детьми, меня охватил страх. Дорога из Джавы до Цхинвала шла через грузинские села и они выходили на трассу и обзывали нас. Выходили даже те, кто всю жизнь в Джаве торговал своей зеленью и семечками. Даже те женщины, которых я прекрасно знала, выходили, останавливали машины, выражались нецензурно, часто я даже не понимала их. И мы были вынуждены ездить через объездную Зарскую дорогу. А потом был случай на Зарской дороге, это страшнейшая трагедия, где и моя ученица погибла тоже. Она 10 лет у нас проучилась. Когда я об этом услышала, не могла прийти в себя. Еще у супруги моего ученика мать зарезали перед глазами там же, на Зарской дороге. Она сейчас работает в Джаве, у нее из-за этих переживаний родился больной ребенок.

¹ *Название мест не редактировались и представлены так, как их употребляют рассказчики.*

Как-то соседи пришли ко мне и сказали, что нам надо всем садиться в автобус и выезжать в сторону Владикавказа, потому что будут обстреливать Джаву и Цхинвал. Я как-то машинально села со всеми женщинами, доехала до села Рук и вдруг поняла, что мои девочки сидят в подвалах в городе, а я уезжаю, чтобы сберечь себя. Я остановила автобус, обманула водителя, что просто хочу выйти и спуститься в школу, а сама на попутной машине вернулась обратно домой. Кроме меня возле нас женщин уже не было, потому что всех их предупредили, что они будут мешать мужчинам обороняться, охранять Джаву. Муж застал меня, когда пришел вечером домой. Я свет не зажигала, а он зашел, увидел открытую дверь и подумал, что к нам уже кто-то залез и обокрал нас. А это была я, просто двери не закрыла. Я не знала куда себя девать, что будет с моими детьми, которые сидели в подвалах многоэтажки по улице Ленина. И самое страшное то, что у нас в школе были грузинские дети, дети грузинской национальности. И почему-то мы другой народ, у нас другие взгляды на жизнь, у нас..., не знаю даже как это назвать, но мы к ним относились так же как к своим детям. Мы их в заложники не брали, мы на них не кричали, их не избивали. Мы просто ждали, что все опомнятся, что все это идет все-таки сверху, что когда-нибудь все это пройдет и что мы опять все вместе будем учиться бок о бок в школе. У нас была соседка, замужем за осетином, я фамилию не помню, она и во время войны, и еще после работала уборщицей. Потом она уехала, когда муж у нее умер, она была вынуждена покинуть Джаву и уехать к себе в Грузию. Была учительница грузинка, не знаю где она родилась, но высшее образование получила в нашем институте, она биолог, с моим братом училась. Она прекрасный человек и сегодня трудится здесь, воспитывает детей, дети у нее осетины. Кто-то остался, многие уехали, боялись за детей своих, наверное.

Обычно я гордилась тем, что была доверенным лицом Софиико Чиаурели, которая баллотировалась от Джавского района. К нам приехали в интернат и сказали, что Софиико Чиаурели будет баллотироваться в депутаты парламента Грузии и что нужен человек, который её поддержит и скажет за нее. Директор обратился ко мне, я это посчитала большой честью, тем более что я знала её фильмы, я их смотрела, она мне нравилась. И когда ей сказали согласна ли она взять молодого человека в доверенные лица, она сказала, что конечно, что это ей очень приятно. Я знала, что она лицо грузинского кино, даже не только грузинского, а советского, что она прекрасно исполняет роли, что мы ее все любим. Тем более у нее были роли, сделанные по произведению

Нодара Думбадзе. Все это было, конечно, мне приятно и я выступила. Не знаю как – хорошо или плохо, но им понравилось, во всяком случае, она подошла ко мне и обняла. Сказала большое спасибо и что пригласит меня потом в Тбилиси, когда-нибудь. После этого я больше с ней не встречалась, но тогда депутатом она стала.

В то время уже не было никакого финансирования. И получилось так, что школу-интернат, где я была тогда директором, надо было чем-то кормить. Помощь гуманитарная поступала из Австрии в виде консервов и сухпайков. Но это поступало через Грузию, во всяком случае так говорили, и мне каждый день нужно было приходиться в КГБ и расписываться, что их привезли не грузины, что я их привезла из Цхинвала и что никакой связи у меня с грузинами не было. Вот так, в таких тяжелых условиях мы сохранили нашу школу, сохранили свой коллектив, и сегодня школа работает.

Потом у нас было еще это страшное землетрясение и все это, всё было одно за другим. Тогда мой муж был директором школы, и он привез вагоны из Волгограда, по-моему. И дети в них спали. Если бы не эти вагоны, у нас бы, конечно, ничего не было и мы бы не смогли сохранить школу. Жили в страшнейших условиях, мы дрожали за наших детей, которые ходили защищать, оборонять поселок. Был страшный случай с сыном Санакоева – Геной Санакоевым. Он приехал из Владикавказа, когда узнал, что вот такое творится уже. Ему сказали: «Ты сегодня хоть отдохни, сынок, ты же только приехал». Он сказал: «Да какой там отдых, когда наши ребята умирают!». Он пошел и грузины за его голубые глаза называли его лицом славянской национальности. Страшной смертью его убили. Цховребов, мой сосед, из села Сакере, Тигиев... Это наши ребята, наши, джавские, которые погибли. У меня ни в одном соседском доме парня не осталось, который бы не защищал свой поселок. Я вот иногда выходила, думаю покормлю их! А кормить-то некого! Потому что все были на постах. Ни об одном из них я не могу сказать ничего плохого. А были и те, кто еще задолго до этих событий уехали в Северную Осетию, но они привозили нам хлеб, просили меня: «Эльвира, вот если можешь, раздай, пожалуйста».

Страшно было и в 1989 году, когда были первые наступления грузин. Цховребов Борик, он работал водителем в школе-интернате, тоже был моим соседом, их несколько ребят было, они пошли оборонять наши рубежи... Это была первая жертва из Джавы. Борик Цховребов... И вторая жертва была тоже из фамилии Цховребовых, тоже мой сосед. Их забрали, какую-то деревню они защищали, и тоже в него попала вражеская пуля. Умер. Ему и двадцати еще не было.

Время было страшное, у меня скончалась сотрудница школы-интерната. И нам просто нечего было положить на поминальный стол. Мы выкроили рыбные консервы с хлебом и вот так похоронили бедную женщину.

Моя единственная племянница, дочь моего брата, осталась в Тбилиси. И становилось страшно даже от мысли, что я ее больше никогда не увижу, никогда больше ее не обниму. Потом, когда появилась возможность как-то созваниваться и она говорила, что у них там все хорошо, все нормально, меня это раздражало. Как это у них там может быть все хорошо, когда мы в таком состоянии?!

Я не могу простить грузин. Мы жили рядом, у нас были смешанные семьи, были друзья, у нас учились их дети. У нас в одно время 30 процентов детей, я не говорю, что все они были грузинской национальности, но они были из той территории. И я не могу им простить того, что ни один человек не позволил себе сказать и предупредить нас: «Вечером на вас нападут! Обороняйтесь, защищайтесь или что-нибудь придумайте!». Они просто взяли и уехали. Как это можно?! Потом, несколько лет назад, мне пришлось участвовать на четырехсторонней встрече в Турции, на уровне народной дипломатии, и когда мы прощались, ко мне обратилась женщина-грузинка: «Калбатано (госпожа) Эльвира! Если Вы еще раз приедете, то привезите мне в спичечной коробке землю с могилы моего сына из Кехви, он там похоронен». Она ударяла себя по коленям и рыдала: «Неужели я больше не упаду на могилу сына, не поцелую землю, где он похоронен?». Я по натуре эмоциональный человек, у меня появились слезы на глазах. Видя слезы женщины, матери, я не могла себя сдерживать. Я её спросила: «Почему Вы именно ко мне обратились?». А она мне: «Я 25 лет проработала в Джавской больнице медсестрой, а Вы – джавская, потому к Вам и обращаюсь». Когда я приехала и рассказала нашим джавцам, они мне сказали, что пока она у нас работала, была прекрасной женщиной, работником, сотрудником. Но когда началась война, она вроде тоже выходила на дорогу останавливать машины. И ей, конечно, никакую землю не привезла. Просто картина это осталась перед глазами. Я ей говорю: «А вы знаете, что с вашими домами стало, как они сейчас там выглядят?». «После войны, – говорит она, – нам их показали», сняли фильм спустя два месяца и, по ее словам, 300 человек умерли за один месяц, когда увидели свои дома в таком состоянии. А я уже начинала выходить из себя и произнесла: «Вы бы сейчас посмотрели свое «чистое поле»!». Она такими глазами на меня посмотрела, но мне уже было все равно.

2008 год был самым страшным годом. У меня дома жили 27 беженцев! Я работала над проектом «Помощь больным детям». Проект мой прошел потому, что у меня там были явные данные – на территории от Гуфта до Хвце, а это протяженность всего в три километра, жили 16 человек с церебральным параличом и синдромом Дауна. Я хотела программу им какую-то сделать. Мне позвонили и сказали: «Эльвира, приезжайте, забирайте деньги». Это было 6 августа. Но у меня не было времени просто. Была обстановка какая-то тяжелая и напряженная. Я подумала, что они подождут, все уладится, успокоится, поеду, привезу деньги, сделаю все как надо. Проект был ОБСЕ. И, конечно, я не смогла поехать. Началась война.

Мы сидели всей семьей перед телевизором и вдруг Саакашвили объявляет, что никакого нашествия на нас не будет. Но мы не совсем, конечно, в это поверили, это было бы наивно. Но все же было спокойно, мы никак не думали, что такое будет. Напасть на спящий город, на город, где находятся твои дети и внуки, это... Муж сразу встал, взял оружие, ушел. Я его двое суток не видела. Потом он пришел, что-то забрал и снова ушел. А я как жила, сама не знаю. В доме у меня беженцы – и тогда были, и восьмого у меня были. Они хотели уехать, но что-то не получалось. Они сами не знали как им быть и что делать. Сейчас это состояние и описать невозможно, но мы не знали что делать. Мы спрашивали друг у друга и ни на один вопрос не могли ответить, даже сами себе. Мой дом находится прямо на дороге, даже заворачивать никуда не надо. И я видела как машины провозили беженцев. Машины полные проезжали, многие мне махали руками и я понимала, что эти люди – мои знакомые. Они уезжали в Северную Осетию, потому что другого выхода у них не было. И вокруг меня женщины и дети тоже в основном уехали. Никого не осталось, потому что боялись все. В Джаве упали три бомбы. Но что удивительно, я просто не знаю, какой нам Бог помог- бомба упала на тот дом, в котором в тот момент никого не было. Рядом были три дома, тоже развалились, разрушились, но жителей в них не было, поэтому, слава Богу, обошлось без жертв. Они уехали тоже, забрали детей. Когда я оставалась одна и думала о том, что может пуля или бомба попала не только в дом, в котором живут мои дети, но и просто в дом с детьми, я сходила с ума. У меня в кармане были только успокоительные капли, больше ничего, чтобы как-то себя успокаивать. Я не знала что делать, не могла сосредоточиться. В голове возникали только плохие мысли. Я не думала о том, что все может закончиться. А потом, когда уже стали проезжать по трассе мимо моего дома российские танки, я немного вздохнула. У меня дома

были конфеты, чуть больше килограмма. Мы их вынесли и кидали танкистам, которые проезжали. Если бы мы могли, мы бы расцеловали их, но мы же не могли останавливать танки. Один мне записку кинул, где было написано «мы вас сбережем». Я эту записку потом на каком-то собрании Леониду Харитоновичу, нашему президенту вручила, говорю: «Положите в музей или в архив, пускай будет». Один раз что-то там случилось с одним из этих танков, наверное, механизм какой-то испортился, он возле нас остановился. Муж вышел, помог починить его. Мы хотели позвать его домой, чтобы он перекусил, но он отказался – «Да что вы говорите, нам сейчас не до этого!».

Помню, как мы первый раз после войны поехали в Цхинвал из Джавы. Мы, три подруги, поехали в город и проезжая по дороге ни о чем говорить не могли. Мы просто смотрели и не могли поверить глазам, поверить в то, что все это произошло на самом деле. Все дома разрушены. Въехали в город, посмотрели друг другу в глаза и просто плакали. Мы ничего не могли говорить, абсолютно ничего. Я даже не знала, куда мне пойти, посмотреть дом тети или провести других близких, родных. Зятя мои там живут, дочери мои там. Я не знала куда идти! Мы стояли втроем, глазели на дома и плакали. Очень много знакомых погибло. Я встретила с дочерью своей, но она ничего не хотела мне рассказывать – «Мама, все нормально, все обошлось». Она видела мое лицо, видела как я переживаю и лишней раз не хотела меня расстраивать. Хотя при чем тут «лишний раз»? Я уже и так все своими глазами видела. И все уже осознавала и чувствовала что они пережили и каково им было. Потом я встретила тетю. Она тоже на каждый мой вопрос отвечала плачем, рыдая, говорила, что она уже не знает как дальше будет жить. Никто из них не говорил о том, что дома у них разрушены, что их надо восстанавливать. Они говорили лишь о том, какое горе обрушилось на город и как это можно ночью стрелять по спящему городу?! Зная, что там дети, что там женщины, там и взрослое, и молодое население. Мне кажется, что все они не могли так просто отойти от этого горя. Я с ними разговаривала и чувствовала, что они не в себе совершенно. Что это не скоро забудется и что это на них обязательно скажется. А когда ты живешь в такой маленькой республике, то чужого горя нет. Это было наше общее горе. И порой мы даже не спрашивали: «Ты знаешь вот этого погибшего?». Какое это имело значение – знаешь или не знаешь? Это был наш земляк.

Были страхи, были. На самом деле, все может быть... Пока у нас есть Путин и Медведев, человек вроде как спокоен. Но что потом будет? Вот когда я во Владикавказе вижу, что самая лучшая в мире вода

это «Боржоми», мне бывает больно, а почему не наша «Багиата» или джавская вода «Дзау суар»?! Почему мы рекламируем то, что есть у врага, в конце-концов?! Почему не наше?! Мне и сейчас еще страшно, мне неспокойно. Когда говорят о свободном въезде в Цхинвал или в Тбилиси, чтобы свободно можно было ездить, мне это не нравится. Не знаю кому как, но я бы этого не хотела. Я не верю больше этому народу. Хотя там у меня много близких, много родни. Тем не менее. Как я могу сейчас радоваться тому, что туда у нас будет дорога и туда можно будет спокойно ездить? А как тогда я Жанне в глаза посмотрю? Как я Азе Константиновне в глаза посмотрю? Как я матери Валиева в глаза посмотрю? Чьи сыновья, единственные сыновья погибли! За что и про что?! Мне и сейчас страшно.

Ко мне приехал ученик, беженец из Грузии, сюда, в Гуфтинскую школу, в седьмой класс. Когда он проучился здесь полгода, мы писали сочинение «Любимый уголок природы». Он подошел ко мне и грубо заявил: «Вот у меня нет никакого любимого уголка в Южной Осетии!». Я поняла, что детскую душу отравляли не год и не два. Ему говорили, что это все не Осетия, это Грузия, это грузинские земли и так далее. Я чувствовала, что ребенка просто затравили и я его как-то приласкала. Я ему стала рассказывать как мы жили в советское время, как я любила книгу Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион». Он весь засиял и через неделю он мне заявил, что у него не только есть любимый уголок в Южной Осетии, а что Южная Осетия вся стала его любимым уголком. Я представляю, что они делают с осетинами-учениками грузинских школ, исходя из этого примера.

У меня дочка работала в Комитете по правам человека, они собирали заявления в школах о моральном ущербе, нанесенном войной, нанесенном Грузией нашим детям. Мне уже 62 года, за моими плечами большой стаж работы с детьми и мне страшно. Если этот процесс закончится, если вынесут решение, что дети наши пострадали и что им был нанесен огромный моральный ущерб, о материальном ущербе я уже и не говорю, я буду спокойнее, а до этого – нет. Хотя моральный ущерб они никогда не смогут возместить.

И. Ц. жительница г. Знаур, 52 г.

В 1988 году я закончила Институт легкой промышленности в Москве, вернулась и вышла замуж, причем в семью, где мама была грузинка, отец – осетин. Вот в такую смешанную семью я попала. Я тогда слышала от других людей, что здесь живущие грузины собирались у кого-то из своих лидеров. Они собирались и готовились к дальнейшим действиям, у них были планы – это в период Гамсахурдии было. Тогда шли лозунги – «Грузия для грузин, осетины – пришельцы, и Рокский тоннель для них открыт, кто хочет с нами жить, пускай живет, а кто не хочет, пожалуйста, тоннель открыт и пускай уезжают, это наша территория». Вот такие фразы и лозунги, они уже декларировались на территории Южной Осетии. И у нас в районе тоже были грузины – националисты, и у нас собрания среди них тоже происходили. Я даже могу назвать села, допустим, в Суниси жил один из них, он работал здесь в районе и они постоянно у него собирались, за столом во время застолья разговаривали как и подобает кавказскому человеку. Но разговор шел о дальнейших планах, о революции, которую они задумали совершить на территории нашей республики. Тогда еще речь шла о Южной Осетии, автономной области в составе Грузии. Были и смешанные семьи, но они были более сдержанные к этому всему, потому что им было очень тяжело, в два раза тяжелее, так как в этих семьях и осетины жили, и грузины. А осетины, у которых было меньше родства с грузинами, вступали с грузинскими националистами в спор. Бывало до драк доходило. Инцидентов бывало очень много. Но тогда милиция еще была и все это пресекалось.

Честно говоря, мы не ожидали того, что потом произошло. Мы думали, что это все пройдет более гладко. Очень поздно и я сама это поняла. Почему? Наверное потому, что, во-первых, я выросла в семье, где у моего отца были очень теплые, дружеские отношения с грузинами. В нашем доме, где я выросла, в гостях постоянно бывали грузины и у меня всегда было впечатление, что грузины это то же, что и осетины. Потом, выйдя замуж и живя в смешанной семье, у нас часто бывали наши родственники-грузины. То есть кроме хорошего и теплого отношения я ничего не видела в своей жизни. Даже когда мой муж пришел и сказал, что нужно ехать и спасать детей, что грузины должны зайти и нам надо уберечь себя и детей, все равно думала, что этого не может быть. Быстренько собрав своего ребен-

ка, на тот момент у меня был мальчик двух лет и я ждала второго ребенка, была на седьмом месяце беременности. Собирала вещи и думала – не может такого быть. Я до последнего не верила в это. Но нас предупредил... местный грузин, который пришел и сказал моему мужу, что они собираются зайти и чтобы он вывез жену и ребенка, на всякий случай. Я до сих пор за него все время молюсь, если бы не он... Если бы не он, мы были бы дома, я и думаю, что случилась бы трагедия. Потому что когда они зашли, то держали позицию прямо возле нашего дома. И комната, где раньше находились я и мой ребенок, была переполнена пулями, все окна были побиты, кровать ребенка была вся в гильзах. То есть для нас был бы трагический конец. Как я уже говорила, нас предупредил местный грузин. Говорят, он на территории Грузии сейчас живет. Я интересовалась его судьбой, как он? Даже послала ему теплые слова, что благодаря ему мы с ребенком остались живы.

Я уехала в Северную Осетию к своему дяде. Но уезжала так, что это было для нас мучением. Была зима, помню, что тогда еще выпало очень много снега. И мы спасались через «Дорогу жизни» – Зарскую дорогу, пешком, семь часов, беременная женщина с ребенком на руках. Меня встречала в Джаве машина, тоже родственник, нас отвезли во Владикавказ и на второй-третий день мы попали с больным ребенком в больницу. Два с половиной месяца мы пролежали в больнице, слава Богу, все обошлось. Потом я уже нервничала из-за того, что неизвестно какого ребенка я рожу – представьте, тяжелый двухлетний ребенок на руках и сама на седьмом месяце беременности. То в один сугроб падаешь, встаешь с ребенком, потом в другой сугроб проваливаешься. Ой... Один момент я вернулась. Когда грузины зашли, я через неделю приехала. То, что у меня дома, в нашей комнате творилось, я видела своими глазами и знала, что там оставаться было нельзя, было очень опасно. Тем более ребенок был болен, я оставила его сестре, мне надо было вернуться за вещами. И потом мне в июне, конечно, надо было рожать.

После того, как в июле к нам зашли миротворцы, я уже с двумя детьми вернулась домой. Здесь было безлюдно, мало кто остался здесь жить. Кое-кто вернулся, кто-то остался в Северной Осетии. Наши соседи-грузины тоже уехали. Но самое интересное было то, что те грузинские семьи, что жили возле нас, потихоньку выехали из Южной Осетии буквально до того, как грузины сюда вошли. Как потом выяснилось, их предупредили, чтобы они выехали на несколько дней, а потом, когда бы район был взят, они могли бы спокойно заехать и про-

должать жить. Помню, как грузины, знакомые наши в том числе, потихоньку шли туда вниз, в сторону Грузии. Мы их спрашиваем, мол, что случилось? Почему вы уходите? Одни говорили, что болеют и едут к врачам, кто-то говорил – к родственникам, кто-то – к своим детям. То есть они называли разные причины. Вот так вот втихую они уходили из района, из своих домов.

Когда я вернулась в свой дом, нам было очень тяжело. Мы ведь привыкли жить с соседями, а тут поблизости от нас в районе никого не было. Поэтому было тяжело и опасно. Соседи – грузины не вернулись, побоялись, потому что то, что они задумали, не осуществилось благодаря нашим ребятам, которые с палками в руках отстояли свою землю. Я считаю это величайшим подвигом наших ребят, наших детей.

Надо сказать, что 90-ые годы были очень тяжелыми. И вдвойне было тяжело нам. Наш район уже был конфликтной зоной. Присутствовал постоянный страх, потому что была неизвестность, как стемнеет, сразу начинали обстреливать из «Алазани» или как-то так их называли, не помню точно, но это были ракеты, которые запускали каждый вечер. Со временем это тоже вошло в привычку! Даже мой ребенок, которому было два с половиной года, все время сидел у окна и когда эти «Алазани» летели в нашу сторону, он их считал – вот в эту ночь вот столько-то снарядов пустили, вчера вот столько-то пустили, настолько все это вошло в привычку. Страх стал привычкой. Света не было, тяжело было с продуктами, но как-то выживали. Видимо, потому что все же это село – что-то с огорода было, что-то выращивали, скотину держали худо-бедно. Нам тяжело было, конечно тяжело, но больше всего мучило отсутствие света. Газа тоже не было, а надо было постоянно что-то варить, что-то готовить детям. Готовили на дровяной печке, но с дровами тоже не так было хорошо – страшно было в лес ходить, а вдруг, мало ли чего. 18 лет жить в напряжении и постоянном страхе, в неопределенности – что будет завтра? Как мы будем? Это очень тяжело. Я верила, что рано или поздно все это должно закончиться и надеялась, что нас услышат. Мы ждали, когда закончатся наши мучения, восторжествует правда и мы заживем по-человечески. И так и было благодаря России, а на тот момент благодаря российским миротворцам, которые делали нашу жизнь более безопасной.

Я считаю, что грузины-крестьяне тоже жертвы этого конфликта. Потому что все это была политика. Кому-то это надо было натравить друг на друга братские народы – грузин и осетин. Потому что я знала, что мои родственники – грузины ни за что против меня воевать не пойдут.

До сих пор, когда я с ними общаюсь, у них слезы на глазах, они этого тоже не хотели. Их тоже втянули в эту грязную, политическую игру.

Потом казалось бы, что все потихонечку утряслось, стало спокойнее, все разрешалось годами. Уже на тот момент, до 2004 года, у нас на границе работал рынок «ТЭК», куда приезжали грузины. То есть был рынок, где мы, осетины и грузины, вместе торговали. Это был какой-то шаг в направлении доверия между двумя народами. И человек думал, что конфликт мирно разрешается. Была надежда, что скоро все образумится и встанет на свои места. Но с приходом Саакашвили к власти в Грузии все старания, которые были с обеих сторон, конечно, были отброшены назад. Он, на мой взгляд, поставил на всем этом жирный крест. В 2004 году в нашем районе, сравнительно с городом, было более-менее спокойно. Но в целом народ был, конечно, в напряжении, страхе – опять стреляют, опять жертвы, опять все повторяется. Было конечно очень тяжело.

Но то, что произошло в 2008 году, я не могу оправдать грузинскую сторону ни на один процент. После войны 2008 года я встретила с грузинскими женщинами и когда они сами сказали, что они очень сожалеют, что такое случилось, что они наши братья, наши сестры, они всегда хотели жить с нами в мире, в родстве, то я не могла не задать им вопрос, потому что уже ни в какие рамки это не входило. Я им сказала: «В 1991 году мы пострадали однозначно, но вы еще больше пострадали, потому что вы потеряли ваши дома, ваше имущество, все, что вы нажили десятилетиями, вы все потеряли». Грузины, они сильнее бедствовали, чем мы, мы хотя бы какую-то помощь получали, а они... Я хорошо помню – я тогда уже жила в городе, потому что отдала детей в городскую школу учиться, и из близлежащих грузинских сел они каждый день утром рано на своих тачках привозили свои молочные продукты, продавали, свои яблоки привозили на городской рынок и за этот счет выживали. Они понимали, что без нас они не смогут жить. И я им говорю: «Вы тогда, пройдя все эти ужасы, все эти мучения, почему вы еще допустили в 2008 году повторения всего этого?!». Они ответили, что их никто не спрашивал, их обманули и они вот таким образом стали жертвами войны 2008 года. Вот что отвечает простой, крестьянский народ.

7 августа я не была дома. У меня в тот год дочка поступала в институт в Ставрополе и была там. Но мой муж с нашим десятилетним ребенком были дома. Мой брат чудом спас моего ребенка. Ребенка... в три часа ночи разбудили, ее в полусонном состоянии, в чем она спала, запихали в машину и вывезли. Брат ее вывез, опять по той же Зарской дороге, где его машину обстреляли. Я до сих пор не знаю, видимо,

благодаря Богу, мой брат спас моего ребенка. Он мне привез ее в одних тапочках и шортиках.

Седьмого вечером я приехала во Владикавказ, дочь поступила, мы абсолютно счастливы. Приезжаю во Владикавказ, хочу вернуться домой, к себе в район. Но меня во Владикавказе встретили друзья моего мужа и они мне говорят: «Ни в коем случае нельзя ехать, как ты сейчас поедешь, утром рано мы тебя отправим». Было 8 часов вечера. Смотрю – автобус из моего района приехал с людьми. Смотрю – все свои, соседи мои. Я говорю: «Что случилось? Почему вы здесь?». Они сказали, что выехали, потому что опасно там находиться, грузины опять затеяли войну. Но потом они меня начали успокаивать, что там, мол, только что Саакашвили выступил по телевизору, сказал, что осетины наши братья, наши сестры, никакой войны не будет. Все, перемирие, ничего не будет, все тихо, спокойно. Они мне говорят, что не надо сейчас ехать, поедешь рано утром. Но рано утром я, конечно, никуда уже не поехала... И моего ребенка чудом вывезли оттуда. Ребенок был очень напуган, мы потом долгое время ходили к врачу, я ее к психологу водила, она все время по ночам в страхе просыпалась.

Я хотела даже 8 августа утром ехать. Думала, детей оставлю здесь, а сама поеду к мужу. Но он наорал на меня в трубку: «Мне твоих проблем еще не хватает! Сиди там, пока я тебе не скажу, когда надо будет возвращаться». Я вернулась через пять дней после войны, хотя меня муж не пускал пока обратно, он сам был здесь, в районе. Я приехала. Конечно, было страшно из-за того, что я видела по дороге. Но в районе у нас было более или менее не сравнить с тем, что происходило в городе. Как потом стало известно, у них было в планах сделать из города «чистое поле», а район особо не трогали. Здесь было пущено несколько ракет, пострадали несколько домов, но в целом район по сравнению с городом уцелел.

Было страшно, конечно. Думала, как жить дальше? Мы 18 лет жили в такой неопределенности, ждали, что вот сегодня все разрешится. Когда же я, когда же мои дети, когда же мои родственники, когда же мой народ вздохнет и по-человечески будет жить? Лучшие мои годы ушли в этой неопределенности, в этом страхе. И сегодня мне горько и обидно, что их не с кого спросить. Точно также и людям, которые меня окружают. Они же тоже столько лет потеряли. Это же двадцать лет! Это целое поколение! А жизнь-то человеческая очень короткая. Я бы за эти 20 лет сделала очень многое. Но я отстала от всего и материально, и морально, и духовно. Поднимать троих детей в разрушенном городе, в разрушенной республике – это не так легко. Но что делать?

Чем человек себя успокаивал? Лично я успокаивала себя тем, что наконец наступил мир. Я уже поверила в то, что завтра будет лучше и послезавтра будет лучше. Это стимулировало меня, давало надежды на жизнь, на то, что все трудности я преодолею. И поэтому, слава Богу, на сегодняшний день я имею хороший результат. Конечно, здоровье я потеряла, но зато мои дети нашли свою дорогу. И все это, конечно, благодаря великой России.

Сегодня опасение того, что снова может начаться война у меня есть. Когда читаешь какие-то громкие, необдуманные высказывания о том, что некоторые грузинские политики (я могу их только так назвать) хотят опять повторения войны, все опять возвращается, все вспоминаешь, становится страшно. Но есть надежда, что это больше не повторится. Не должно повториться, потому что в конце концов простой грузинский народ еще не потерял свой здравый смысл. Наверное, они тоже взвесили все «за» и «против». Эта война ничего хорошего не принесла и простому грузинскому народу. Они также пострадали. И, по-моему, здравый смысл восторжествует у наших народов. Я думаю, что большая половина из них за мир, все-таки. Я надеюсь, что простой грузинский народ не допустит повторения войн, что произошли между нами. Я призываю и грузинский, и осетинский народы, чтобы среди нас больше было миротворцев. Чтобы мы все желали мира. Каждая война всегда заканчивается миром. Давайте вспомним, и осетины, и грузины, о том, что у нас глубокие родственные связи. И хотя бы ради этих связей, ради будущего наших детей мы должны думать и хотеть мира.

Л. К. общественный деятель, г. Цхинвал

Этот рассказ я хочу посвятить моему близкому человеку, моей подруге, моей сестре, моему партнеру по множеству проектов – Манане Мебуке. Моей путеводной звезде в миротворчестве. Сегодня она тяжело больна и все мы, близкие ей люди, молимся Господу, чтобы свершилось чудо и она осталась жить.

То, что произошло в 1989 году для всех было как гром среди ясно-го неба – неожиданно, страшно. Для меня это было абсолютно непонятно. И это как понятие наивного монархизма – я говорила, что это только руководство виновато, виноват лишь один человек. В общем, я давала разные объяснения, но никогда не оценивала этот конфликт глобально и серьезно. Только потом, когда начались бесчинства, я очень очерствела и, чего греха таить, дошла до такого маразма, что когда однажды утром мне мой муж сказал, что в Кехви расстреляли на бензоколонке одну семью – мужа, жену и двух детей, то я сказала: «Так им и надо!». И только потом, когда я представила этих детишек, я поняла, что я уже не женщина, я уже не мать и я не человек. Я поняла, что если я не буду себя спасать, то погибну окончательно.

Мне как представителю смешанной, грузино-осетинской семьи было страшно наблюдать за своей мамой, грузинкой, которая всю жизнь была социально-активной личностью, была большим общественным деятелем. Она была очень красивой и сильной, всегда была на виду. И мы, вся семья, боготворили её. Но в одночасье она превратилась в слабое, закомплексованное существо! Превратилась в человека, которого надо было защищать. Она была потерянная, её тихо уничтожало чувство вины. Она стала комплексовать и только папа её защищал. Мы конечно тоже, но она, в основном, всегда смотрела на него и для нее было важно как мой отец, осетин, любимый ею человек, будет реагировать на все, что происходит вне нашей семьи и в нашей семье. После Зарской трагедии она позвонила в Тбилиси, своей сестре... Я должна сказать, что мама была старшей из девятерых детей, братьев и сестер, и она раньше всех вышла замуж, и всех воспитывали мама и папа мои. Они жили у нас по очереди и мой папа их всех – кого женил, кого замуж выдавал. То есть они были как дети моим родителям. И вот после Зарской трагедии мама позвонила своей сестре и сказала: «Передай всем, что сегодня я похоронила всех вас, а вы должны

похоронить меня, потому что меня нет у вас, а вас нет у меня». И это была самая большая трагедия для нее. До войны, в мирной жизни, папа всегда просил маму взять его фамилию. Но мама всегда говорила: «Нет, Филипп, я свою фамилию Чхеидзе, не буду никогда менять!». Но однажды, когда уже конфликт начал разгораться, произошел случай, когда мальчика, если я не ошибаюсь, ему было 14 лет, вывозила мать, по-моему, из села Дменис на БТРе. И в Эргнети этот БТР грузинские неформалы задержали, вытащили мальчика, маму. Мальчик очень тянулся к матери, просил её не отпускать его, мать хватала его и вот тогда один из неформалов схватил его, повалил на землю и сапогом переломал ему шейные позвонки. После этого у меня было такое чувство, что мама даже ростом стала меньше. И тогда она сказала моему отцу: «Филипп, пойдем в горисполком, я не хочу больше носить свою фамилию, хочу взять твою, если ты позволишь мне это сделать!». На что мой папа сказал: «Нелли, это всё скоро закончится! Это сумасшествие не может долго продолжаться! И если после войны ты захочешь взять мою фамилию, тогда никаких проблем! А сейчас ты должна быть той, кто ты есть! Ты абсолютно ни в чем не виновата!». И он её обнял и поцеловал.

Таких эпизодов было много, я не буду о них всех рассказывать, я просто сейчас в нескольких словах описала тот фон, на котором я начала работать и заниматься миротворчеством. В то время это не было моим призванием. Это была возможность, которой я воспользовалась, чтобы избавиться от внутренней жестокости и от всего того страшного, наносного, что появилось во мне после начала конфликта. После первой войны, когда все успокоилось, я ездила на тренинги в Тбилиси, получала сертификаты. Но это все было так... Было такое чувство, что я живу сама по себе, а все, что я делаю, это существует отдельно, параллельно. И в 2004 году вдруг в моей жизни появилась Манана Мебуке. Я даже не помню как это было. Но мое сердце начало оттаивать именно с её появлением. У нее муж был тяжело ранен в Абхазии, вследствие чего он умер. Она фактически возглавляла две организации: «Союз ветеранов», который когда-то возглавлял ее муж, и «Союз жен инвалидов и вдов участников вооруженных конфликтов Грузии». И она, которая была младше меня на 10 лет, для меня была как учитель, как духовник, наверное, который меня тихо-тихо спасала от всех моих внутренних демонов. Я стала отличать черное от белого, точки от запятой, у меня в голове творился сумбур, я чувствовала одно, разумом я понимала, что этого делать нельзя, от этого надо избавляться, но я не знала как и методом «тыка» пыталась это понять. И вот по-

является Манана, которая отдельными предложениями, отдельными поступками, улыбками, поучениями, вопросами, она как-то структурированно всю меня разложила по полочкам и дала мне направление. То есть сегодня я могу сказать, что к культуре мира без всяких тренингов приобщила меня она. Покой в мою душу внесла она. Манана была большим патриотом своей страны и она очень сильно страдала от того, что там происходило. Она всегда говорила, что «моя Грузия недостойна того, что здесь происходит». Она очень тепло относилась к нам, к осетинам, к Южной Осетии. Она сострадала нам. Ей было очень неудобно за всё, потому что Манана часто сюда приезжала, всё видела своими глазами. Был случай, когда она приехала в день, когда после ночного обстрела города погибли пожилые люди и дети и их хоронили с центральной площади города. Она как раз приехала утром. И когда она приехала, я ей сказала: «Я знаю, что ты не согласишься туда пойти, но то, что произошло ужасно». И она ответила: «Если меня не побьют там, я бы пошла». Это было в 2004 году. Я ей посоветовала просто не говорить по-грузински, держаться за меня и тогда ей ничего бы не угрожало. И мы пошли туда. Она была свидетелем и траурного митинга, и разговоров, и слез, и трагедии родственников, и провожала эту процессию она вместе со мной. Когда мы вернулись ко мне домой, она сказала: «Если у меня еще были какие-то надежды, то сейчас у меня ничего не осталось, это начало конца наших отношений». Тем не менее после этого у нас было несколько миротворческих проектов. Они так и назывались – «Женщины за мир и безопасность». Они были параллельные – я отдельно делала свою работу и она отдельно. И в течение года мы по два-три раза пересекались где-нибудь на нейтральной территории.

2008 год для Мананы был катастрофой! Мы с ней активно сотрудничали, потому что я ей так же искренне доверяла. Я ей позвонила и сказала: «У нас Дубовая роща усеяна трупами грузинских солдат. И в городе уже стоит запах, поэтому их надо вывезти, иначе их закопают в братскую могилу. Сделай что-нибудь!». Она мне вечером звонит и говорит: «Я ходила и в Министерство здравоохранения, и в Министерство обороны, еще кое-куда, но мне ответили, что в Южной Осетии нет ни одного погибшего грузинского солдата». Ну, что было потом, мы уже знаем. К счастью, осетинская сторона проявила гуманизм, были заказаны гробы и их не просто закинули в яму. Их положили в гробы, позвали священника, который их отпел и только после этого их захоронили в братской могиле. И только после того, как сюда приехал Хаммерберг и ему доложили ситуацию, он поехал в Грузию и только

тогда они прислали сюда огромные рефрижераторы, холодильники и привезли священника из Никози, который их отпел, и после этого их увезли.

Помню один эпизод летом 2008 года. Манана долгое время предлагала мне поехать с детьми в Батуми, где у неё есть квартира. Но я никак не соглашалась. И вот в конце июля, где-то 28 числа, Манана была у меня и как раз приехали моя младшая дочь, мои внучка и внук. Она нам говорит: «Сейчас мы садимся в машину и едем, и всё! Никаких отговорок!». И дети начали просить: «Ну поедем, ну пожалуйста, на неделю!». А моя младшая дочь как раз к 10 августа должна была уехать во Владимир на производственную практику. У меня в Батуми тоже живут родственники матери и я согласилась. Мы сели в машину и поехали. И уже там по новостям я слышу, что город с первого на второе августа обстреляли. С третьего на четвертое – опять обстреляли. Звоню своим друзьям, некоторые из них работали в офисе ОБСЕ и спрашиваю: «Что там происходит? Может мне срочно вернуться?». Мне говорят: «Ну, это как всегда – постреляют и перестанут!». Даже напомнили о том, что мне уже пора было и привыкнуть к этому за столько лет. Но когда уже с 3 на 4 обстреляли, мне уже стало не по себе и я сказала Манане, что все, больше никаких отдыхов, мы едем домой. Приехали мы 6-го ночью в Тбилиси, переночевали с детьми у Мананы, и утром она мне говорит: «Лира, может ты бы осталась?». Я говорю: «Нет, ты что?! Я не могу, я всю ночь не спала!». А она мне говорит: «Лира, хочу просто тебе сказать, что дальше Горийского моста я не смогу тебя довезти». Я согласилась. Позвонила одному из водителей миссии ОБСЕ, который часто меня выручал. Но он ответил, что это невозможно: «Нет, Лира Филипповна, здесь такое творится! Мы никуда не можем выехать!». Тогда я позвонила сотруднику ОБСЕ, более должностному лицу. Он меня выслушал и сказал: «Сейчас в Гори наши сотрудники закупают воду для цхинвальского офиса (это 7 августа), они будут проезжать и заберут вас вместе с детьми. Где, где вы будете стоять?». Я ответила, что будем ждать под мостом. Мы приехали с Мананой, она остановила машину на обочине дороги. Не прошло и десяти минут, как вдруг мимо нас начали проезжать крытые грузовые машины. Машины были крытые, но задняя часть была открыта и вот как в фильмах про немецких солдат, когда их везли – были видны ребята, которые в полной машине хохотали, смеялись, махали нам руками. В общем, мы поняли, что происходит нечто страшное. А моя внучка меня спрашивает: «Бабуля, а куда они едут?». У меня от страха свело челюсти. Я говорю: «Наверное, у них какие-то военные

учения». А Манана сидит за рулем просто белая! Она была настолько бледной, что это выглядело неестественно. Мы там стояли где-то час и все это время ехали машины и техника. С правой стороны, где кустарники, выезжали какие-то необычные машины с пулеметами наверху. Где-то спустя час нас объехала машина... Я такой машины никогда в жизни не видела – как старая «Победа», только большая, белоснежная, почти с черными, затемненными окнами. И она нас объехала и может быть в метрах пятидесяти встала. Я спросила Манану, что это за машина. И она вот этими мертвыми, бледными губами прошептала: «Ли́ра, осторожно, нас слушают!». Видимо им позвонили и сказали, что тут долго машина стоит и они решили, что мы какие-то лазутчики. Когда я сообразила, что происходит, у меня наверное сработал инстинкт самосохранения своих детей и я истерично начала что-то кричать, смеяться, вспоминать какие-то истории, которых даже не было. В общем, у меня началась истерика, это было как сумасшествие. И по выражению лица Мананы я поняла, что действительно схожу с ума. Это длилось, по моим ощущениям, минут двадцать, после чего машина развернулась и уехала. Мы постояли еще минут пятнадцать. Приехала машина ОБСЕ, загруженная кулерами, хотя зачем им это еще надо было?! Мы как-то пересели, взгромоздились все туда и нас привезли в город. Когда мы въехали в Цхинвал, то на границе была пустота. И я удивилась, потому что когда мы уезжали на ТЭЖе стояли осетинский блок-пост и грузинский, стояли бетонные заграждения. А тут – ничего! Абсолютная пустота! Мы въехали, а кругом звенящая тишина. Тихо-тихо в городе! Аж в ушах звенело! И было очень жарко. Меня охватило чувство нереальности, словно я лечу, или ... в общем, это необъяснимое чувство. Нас подвезли к дому, мы вышли из машины, было где-то три часа дня седьмого августа 2008 года!

Манана подозревала всё это, но не могла в это поверить. Впрочем, как и все остальные мои друзья, мои коллеги. То есть, это была такая для неё дикость – война и то, что произошло потом, она до сих пор не может объяснить. Ну, что было потом седьмого августа, мы все знаем – президент Грузии нас всех уложил спать, а в 12 часов ночи начал нас бомбить кассетными бомбами. С 8 августа Манана постоянно мне звонила. Постоянно! «Ли́ра, как вы? Что с вами? Как дети? Ли́ра, спрячьтесь! Ли́ра, Ли́ра, Ли́ра...». Она проклинала всех и вся на свете, плакала в трубку, дошло до такого абсурда, что уже я её начинала успокаивать. Я ей говорю: «Да успокойся ты! Выживем мы». Но в какой-то момент, это было уже восьмого вечером, у нас дом уже ходуном ходил от бомбежки, я была уже уверена, что мы все погибнем, и когда

она мне позвонила, я ей сказала: «Манана, все документы, всё, что у меня есть, я унесла в огород, в кочегарку. В старую, заброшенную кочегарку и завалила все мусором. И в случае чего, ты сюда приедешь, найдешь это и отдашь моим детям». Она, конечно, обрыдалась. Восьмого августа 2008 года, наверное, это будет звучать страшно, но я почувствовала облегчение. От того, что мне не нужно уже метаться между осетинами и грузинами. Грузинская кровь, грузинская культура, мать грузинка, любовь к дедушкам, бабушкам – это всё было во мне. Вся моя сознательная жизнь прошла в Советской Грузии, я выросла в ней, в Советской Южной Осетии. И мой менталитет очень отличался и сейчас отличается от чистокровных осетин! И даже сейчас я в угоду кому-либо не скажу, что ненавижу грузин. Кого я ненавижу, я четко знаю. Но тогда, я почувствовала облегчение, я подумала: ну всё! Мне не надо больше выбирать. Все точки были расставлены. Никогда ничего общего с грузинами у меня не будет. Это был коллапс всего моего внутреннего состояния и это мне принесло облегчение. Всё, думаю, слава Богу! Во-первых, для меня все встало на свои места. Во-вторых, решила я, весь мир узнал, наконец, кто есть кто. Я подумала про себя – а теперь, мы будем строить новую Осетию, у нас будет новое будущее. Я как историк знаю, что после каждой войны в стране начинается созидательный процесс. Потому что трагические события всегда объединяют народ. Я это знала, как и то, что сейчас, вот на этих руинах и развалинах, рождается новая Осетия. И для меня это было счастьем.

После войны, в октябре 2008 года, мне позвонила Манана и сказала: «Лира, наши женщины хотят встретиться с вами». Я решила, что она сошла с ума! Это была южно-кавказская встреча. Там были абхазки, должны были быть, но они не приехали в знак протеста. Там был Нагорный Карабах, Азербайджан, Армения, Грузия. Я хотела отказаться от поездки, но когда я увидела состав грузинской делегации, я обрадовалась и передумала. Я четко решила ехать, потому что у меня была прекрасная возможность сказать им все, что я думала, к чему я пришла. Это была возможность поставить окончательную точку над всеми отношениями в сфере миротворчества. Я решила, что больше никакого миротворчества! Мы ничего на самом деле не можем сделать! Мы когда начали говорить на этой встрече, там одна участница из грузинской делегации очень эмоционально вдруг «налетела» на нас и говорит: «О чем с ними говорить?! Видно же, что это задание спецслужб, это не их текст, а спецслужб». В общем, дело чуть до драки не дошло. Это был кошмар. Но я не жалела, что мы поехали. Наоборот, я потом написала абхазским подругам, что если бы они тоже прие-

хали и стояли рядом с нами, нам было бы легче. Ну, а если бы и мы не поехали, они бы сидели и говорили свою «правду», правду в кавычках. А так у нас была возможность сказать всё, что мы хотели. И нас слышали наши подруги из других республик. Это было в октябре. А в ноябре меня и Манану пригласили в Стокгольм наши доноры из «Квина Тилл Квина», которые финансировали наш проект «Женщины за мир и безопасность». За что я эту организацию очень уважаю – за их стремление к реальности и объективности. Они пригласили нас на расширенную пресс-конференцию. То есть, была я – осетинка и Манана – грузинка. Я не могла говорить неправду в присутствии Мананы и Манана не могла говорить неправду в моем присутствии. На этой расширенной пресс-конференции, где было около сорока человек, задавали очень важные, принципиальные вопросы. И когда я повесила большое фото (два на три) – разрушенный Цхинвал, одна из журналисток из зала встала и сказала: «Извините, пожалуйста, я знаю этот снимок. Это же Гори, который разбомбили русские самолеты!». Я растерялась и посмотрела на Манану. Манана ответила, причем спокойно подняла голову, хотя я чувствовала, что ей было это неприятно: «Это Цхинвал, а не Гори». Манана была очень достойным партнером. И я ей доверяла с закрытыми глазами.

Манана относилась очень тепло и с большим вниманием ко всем нашим женщинам, которые участвовали на наших встречах. Все наши женщины ее просто обожали. Там был и юмор, и сострадание, всегда было понимание. Даже после наших встреч наши женщины, которые ездили в Тбилиси – будь это проблема со здоровьем, или... какая-то другая, Манана, у которой была машина, возилась с ними до последнего, за что я ей очень благодарна. Манана была и есть той личностью, благодаря которой я верю, что между грузинами и осетинами рано или поздно могут быть добрые, добрососедские отношения. Я не знаю когда это будет, возможно через 50 лет. Я не знаю. Но именно такие люди как Манана дают веру в то, что когда-то мы будем друг другу верить и когда-нибудь мы станем добрыми соседями. Манана и есть тот самый мостик между нами и, дай Бог, чтобы она еще долгие годы была этим мостиком. О Манане я могу говорить нескончаемо. Но сейчас я только молюсь за ее здоровье.

P.S. К сожалению, Мананы Мебуке больше нет с нами. Она скончалась 6 марта, 2016 года. Вечная ей память.

* * *

А. Дж. житель г. Цхинвала, 34 г

Знаете, как для меня началась война? Это был ноябрь 1989 года. Мне было семь лет, помню, был какой-то пасмурный день, весь город «стоял на ушах», я был маленьким и ничего не понимал, слышал лишь, что какие-то грузины пришли, стреляли. Тогда я даже не понимал значение слова «стреляли», кругом были какие-то громкие хлопки. Потом все завертелось – началась блокада, начали приходиться сообщения, что сожгли то село, сожгли это село, поймали тех людей, расстреляли других. Начали появляться какие-то баррикады в городе, начались перестрелки. Возле нашего дома баррикад не было. На тот момент, когда я уже осознал, что такое война, они были возле здания института. Там были первые баррикады, там еще стояла большая пожарная машина, которую наши отбили у грузин, по-моему. Какие-то троллейбусы стояли в качестве баррикад, перегораживали дорогу. Помню как мы носили еду ополченцам. Во дворе все собирались, отдавали кто что мог, хотя с едой тогда было совсем плохо. Кто-то давал, что сам выращивал, у кого-то консервы были. Все что было шло, как говорится, «на фронт» – на баррикады ребятам, чтобы они не были голодными, чтобы были более или менее сытыми. А мы – дети, эту еду им носили. Хлеба, естественно, не было. Помню, что как-то мы нашли много-много пищевой соды, не знали что это. Так нам из нее испекли хлеб. Все дети в нашем дворе с удовольствием его ели, еще даже делились им с ополченцами.

Когда мы приносили еду ополченцам, мы с ними, конечно же, разговаривали. Они нас всегда спрашивали: как у нас дела? Кто мы? Где найти сигареты, спрашивали, потому что мы же маленькие были, мы все знали где и что продается и т.д. Они спрашивали и о том, не нужно ли нам самим чего-либо? Ну, а нам что? Мы постоянно просили патроны, которых им и самим не хватало. Они нам выдавали гильзы, уже отстрелянные патроны, от чего мы были безумно счастливы. И еще как-то собрали пули на Новый год, чтобы пострелять в воздух. Произвести салют. Нам тогда давали пострелять, выпустить две, три пули, а ты потом ходишь весь год счастливый: ура, наконец-то я пострелял! Вот такое было детство.

Нам всегда было очень интересно посмотреть на врага. Там, на другой стороне, примерно в районе Богири, на перекрестке были позиции грузин. И там какие-то люди ходили в касках, хорошо экипированные. Нам было не очень хорошо их видно. И нам объясняли, что вот эти

люди, которых мы видим, хотят нас всех уничтожить. А мы понимали, что вот он – враг, а мы здесь.

Помню, что не было воды. Нужно было за водой идти в Дубовую рощу, где были родники. Встаешь в 5-6 утра, берешь бидон, ставишь его на самодельную тележку, катишь ее и там еще стоишь в очереди часа три-четыре минимум. Причем там все время стреляли снайперы, не в людей, но довольно близко от них. И самое главное для нас было довести воду домой, вернуться обратно. Идешь не по трассе, а какими-то окольными путями через какие-то дворы, огороды, так, чтобы не быть на открытой местности. Привез воду домой и хорошо! У тебя есть из чего сделать чай, что-то сварить.

Игрушек тогда не было, играли тем, что было. Игры были военные, конечно же. Мы находили пустые гильзы и постоянно играли в войну: на тебе бронежилет, на мне каска. Вот такие детские игры. Еще нам было очень интересно смотреть как стреляют трассерами. Был такой момент, когда обстреливали привокзальную площадь, вернее за ней, там какая-то база была у наших ополченцев и грузины обстреливали её из каких-то крупнокалиберных орудий, в том числе трассерами. И мы пошли с ребятами посмотреть как это красиво выглядит. Ну и попали тоже под обстрел. Нас там раскидало, слава Богу, никто не пострадал, но у нас потом был дома двухдневный домашний арест.

Родители старались делать все, чтобы мы не ощущали все эти тяготы. Иногда к нам приезжал мой родственник, когда прорывался из Москвы, и привозил нам конфеты, много-много конфет, и тогда во дворе у нас был праздник!

Мое детское сознание тогда воспринимало эту ситуацию как какую-то борьбу добра со злом. У меня было такое ощущение после того, что видел и слышал, в том числе о том, что творят грузинские неформалы – как они закапывали людей живьем, заставляли женщин выходить из автобусов и стоять в холодной воде зимой в речке, и я ощущал, что мы правы, я ощущал, что мы боремся за правое дело, что это не просто война на выживание. Правда, все мысли, осознанные, были позже. А в то время, когда я был маленьким, для меня это было как большая реальная игра в войну.

Нам безумно хотелось поскорее вырасти! Мы каждый день, когда приносили ополченцам еду, спрашивали: «А нам еще нельзя? А нам еще нельзя воевать? А когда нам можно будет?». Они говорили: «Все нормально, вырастайте. А пока вы будете расти, война закончится». Они оказались неправы. Мы выросли. А война все еще продолжалась. То затухала, то разгоралась заново.

Сам я встал в ряды ополчения, когда мне было лет семнадцать. Примерно с приходом в армию. До этого времени активных боевых действий не велось, как-то все успокоилось. Вроде бы началась какая-то мирная жизнь, правда в кавычках. Конечно, продолжались похищения людей, убийства, какие-то ужасы творились. Но когда я уже начал служить в рядах ополчения, где-то с 2004 года, опять начались боевые действия. Потом и война 2008 года. Я защищал свой дом. Вот если к вам в дом вломится вор, вы, конечно же, будете защищаться. Вот у меня было точно такое же чувство и до сих пор оно остается. То, что я должен защищать свою семью, своих родных, близких, друзей. И как-то не было такого, чтобы человек задумывался: а зачем я воюю? Зачем это нужно? Надо и всё! Было такое ощущение, что если мы не будем защищать, то нас просто завтра не будет.

Помню свой первый бой. Это было в 2004 году. С самого начала перестрелок мы были на позиции и тут к нам прилетает какой-то снаряд. Он чуть выше взорвался, наши начали отвечать огнем. По большей части все стреляли в темноту и по вспышкам. Знаешь, что там внизу позиции и ты по ним должен стрелять. Страх не было, был приток адреналина в кровь. Человек словно завелся и после окончания боя я еще всю ночь не спал. Первый бой не стал чем-то ошеломляющим. Наверное потому, что с детства я жил в этой ситуации, ощущение, что война – это такой образ жизни, ты живешь и растешь в такой жизни. Это было «как всегда». С детства видишь много смертей – близких и знакомых людей. А человек со временем, может это неправильно, но черствеет. Да, сердце каменеет. Было безумно жаль убитых друзей, убитых знакомых и незнакомых людей, которые погибли. Это конечно трагедия и невосполнимая потеря, но к смерти стало какое-то отношение... Ну ты понимал, что там можешь лежать ты, но страха не было. Был страх погибнуть просто так, зря. Как-то нелепо что ли, по глупости какой-то. А если в бою погибаешь, то с улыбкой. Хотя, конечно, старался выживать.

Были разные интересные моменты. В минуты затишья, уже после 2004 года, стоишь на позиции, видишь своего врага, он видит тебя. И как-то общались, спрашивали: «Зачем вы нам такие вещи делаете? Зачем вы нас истребляете? Зачем вы с войной пришли? Нормально же жили!». Они не знали, что ответить, у всех были свои доводы, что-то типа: мы защищаем свою территориальную целостность. Я им говорю: «Какую целостность? Вы грузины, мы осетины!». Где? Откуда-куда? Но то, что всегда было и остается, это ненависть к людям с оружием в руках, с той стороны. Так что враг – он всегда враг. Спит,

бодрствует или воюет, не воюет, но ты понимаешь, что на той стороне, за границей, не все, но много врагов.

Все, все мои друзья, знакомые служили в ополчении. Я не знаю такого человека из моих друзей, знакомых, чтобы кто-то сказал нет или отлынивал от этой службы. Наоборот, это была большая честь- чем быстрее ты возьмешь в руки оружие и пойдешь на пост, тем раньше ты стал мужчиной. Ты уже способен за что-то отвечать. Скажем так, бывают же у многих народов обряды совершеннолетия. Вот это был тот же самый, но наш обряд. У кого в 15, у кого в 16, у кого в 18 лет. Но не было такого, чтобы кто-то этого не хотел, не хотел защищать свой дом. Примерно полтора, два года я служил в ополчении, потом я уже пошел служить в миротворческий контингент. Но это уже был период затишья, время, когда не было боевых действий. Пока я служил в ополчении, будущее для меня было очень туманным, потому что я понимал, что, да, миротворцы защищают мир, но пока не прекратятся все эти притязания на территорию Южной Осетии, пока у нас не будет мощной поддержки, вот как сейчас в лице России, то все это не прекратится никогда. Я очень боялся того, что наши дети будут идти по нашему пути, то есть будут видеть то же самое: смерть, лишения... не очень этого хотелось. Хотелось так- лучше пусть я сделаю всё для того, чтобы завтра всё было спокойно.

Когда я служил в миротворческом контингенте, помню как-то в день миротворцев были у нас соревнования. Там участвовали российские, осетинские и грузинские миротворцы. Грузины, как раз тогда их рота служила то ли в Косово, то ли в другом подобном месте. Они там у всех были на слуху, самые крутые, самые-самые. Нас поразила тогда их экипировка – от ножа до часов, всякие рации. Ну, в общем... Натовское было все, блатное. Красивое, сверкающее, блатное, дорогое, конечно. Они с таким пренебрежением на нас смотрели, свысока. Там были такие дисциплины: разборка-сборка оружия, бег на дистанции, полоса препятствия. Ну такие, обычные армейские вещи, которые «бравые» спецназовцы не смогли нормально преодолеть. В общем, самые-самые крутые оказались в самом низу по всем дисциплинам. Когда мы их выиграли, тогда взгляды у них уже были поникшие. Они были очень расстроены, мягко сказать. Их начальники сильно ругались по-грузински, по-моему, даже мат был слышен. Они сразу уехали. Но все наше командование было очень довольны. Ходили с улыбками: вот, наши ребята! Даже праздничный ужин нам устроили, с тортиками.

Войну 2008 года, честно говоря, я ждал. Ждал в том смысле, что не

хотел её. Но я знал, что она будет. Что еще одна большая война будет и я как-то и не расслаблялся. Все ребята знали, что будет еще какая-то война и все были готовы к ней. Как для меня 2008 год начался? Я уже не служил, я уже где-то жил. Делал свои дела, работал, был уже не в военной профессии. И тут в 2008 году началась опять активизация грузинских военных. Уже пошли убийства, когда снайперы убили ребят. И я понял, что опять начинается. Пришел в ополчение, обратно к своим друзьям. Мне выдали оружие прямо в тот же день – 7 августа. Когда мы пришли в штаб ополчения, еще не до конца верилось, что реально начнутся какие-то боевые действия, начнется реальная война. Были всякие события – приезд каких-то министров, какие-то переговоры и так далее... В общем, нам все-таки оружие выдали, только нашей группе, не всем ополченцам. Мы были дежурной группой, чтобы если что, просто были под рукой. Уже был поздний вечер, к нам пришел наш президент, Эдуард Джабеевич. Он сказал: «Ребята, всё. Мишико отводит свои войска от границы, войны не будет, можете расходиться спокойно по домам». И как только он ушел, спустя полчаса или час раздался первый взрыв. Мы уже хотели уйти по домам, многие так и сделали, но ребята там еще оставались, нас было человек пятнадцать-двадцать. И тут – первый взрыв. Первый ба-бах! И пошла волна этих обстрелов. Таких прямо, ковровых обстрелов! Не знаю почему, но именно в наш квадрат тогда не попал ни один снаряд. И вот ты просто видишь, наблюдаешь – бах, бах, бах – и там начал дом гореть, и там начал дом гореть, и там начал дом гореть. Было ощущение, что ты находишься в каком-то военном фильме – идет война и ты наблюдаешь картинку в формате 3D. Потом начали приходиться сообщения: женщину убило, кого-то еще убило. И под утро ты уже осознаешь, что это реальные боевые действия. И уже опять нужно защищаться. Был такой момент, когда связь была с перебойми и до меня дозванивается одна моя знакомая. Они с перепугу забежали в подвал какого-то дома. Там дети какие-то были еще. И у них не было еды и воды. Попросили меня: «Если можешь, принеси нам немного поесть и воды». У нас было много сухпайков, я набрал рюкзак, это было еще ночью, когда уже обстрел шел. Накидал в сумку сухпайков, нашел две бутылки воды и хотел им отнести. Но как только я сделал пару шагов за ограждение нашей базы, то понял, что просто-напросто не дойду. Позвонил им, сказал, чтобы продержались до утра, а утром все будет более или менее ясно. Я потом им утром донес все это, где-то в 4 или 5 утра, отдал. Они спрашивали, что происходит. Люди были напуганы, никто не понимал, что происходит. Все спрашивали, когда же Россия

вмешается? Я объяснил, что чтобы войска сюда дошли нужны минимум сутки, а сейчас все пока держится на нас, на наших ополченцах, на наших ребятах. Все люди были в шоке, панике, не понимали: что? как? зачем? Ведь нормально все было, говорили, что не будет войны.

Для себя я решил это еще в детстве, что война – это зло и это самое худшее из того, что может случиться. Что когда воюют люди, то страдают обе воюющие стороны. И не важно кто прав, кто виноват. Я понимал, что война не приносит ничего хорошего, отбрасывает людей в далекое прошлое, в каменный век, и это – зло. Это я понял еще в детстве. Но что делать?! Жизнь такая, что пришлось воевать несколько раз и ... я сам по себе человек миролюбивый, я не люблю войну, но мне пришлось взять оружие в руки и защищать свой дом. Был такой момент, когда ты сидишь в штабе, а все мысли у тебя связаны с домом: как мама там, как папа? Как твои родные? И выбраться в район, где ты живешь, не было возможности. И тут прибегает какой-то парень, весь взмыленный, взлохмаченный, в пыли, в разодранной форме, с дикими глазами, просит дать ему воды. Я спрашиваю: «Где ты был?». Он был как раз в моем районе. Ну я ему вопросы: как там люди? Есть разрушения? А он мне отвечает, что этого района больше нет. Что его стерли с лица земли. Я постоял-постоял: ты уверен? Он говорит: «Да!». Наблюдая картину того, как ночью бомбили и уничтожали город, я в это поверил. Каким-то образом я вышел на улицу Героев посмотреть так ли это? И увидел, что там дымится корпус, там шел черный дым, а значит горит дом. И понял, что это может быть действительно правдой. Мама там моя была, там все мои были. Все, с кем я вырос, соседи, все, все, все... Твой район, где ты живешь, где твой дом. И тебе вдруг говорят, что его больше нет! И вот в этот момент наступило... Не знаю, словно что-то выключилось внутри. Отчуждение, всё стало как-то безразлично. И тут я увидел врага. Это был танк, там, где сейчас установлен крест над переездом. Танк, а рядом ходил человек и смотрел. Тогда я еще подумал, что это российские войска и очень обрадовался. Но тут он выстрелил по жилому корпусу и я понял, что это враг. Уже совсем близко. И завертелось... Друзей, близких друзей погибло много. Я понимаю, что если бы они не погибли, то сейчас всё могло быть по-другому. Как-то по-другому шла бы жизнь. И у них, и у меня, и многих других людей. Но я понимал и то, что при таком обстреле, при такой войне будет много погибших, причем будет много знакомых погибших. И в принципе, так оно и случилось. Не бывает войны без потерь. Звучит цинично, но так и есть.

Помню до сих пор один яркий момент. У нас села рация и в поисках зарядочного устройства (шел бой, мы отстреливались), проходя мимо одного из жилых корпусов, мы зашли в подвал передохнуть, выпить воды и я увидел там женщину, у которой на руках был маленький ребенок. Ребенку было месяца три или четыре. Он был очень маленький, грудной ребенок. И я в шоке стою, смотрю и понимаю, что это нечто нереальное, что всех детей вывозили еще до начала боевых действий, детей эвакуировали всех. Я спрашиваю: «Почему ты не уехала?». Она ответила, что не успела, не смогла. И тут из подвала выходят двое маленьких подростков, школьников, лет по 14-15 лет в спортивной форме, в какой-то военной кепке и с автоматом. С одним рожком. Молодые совсем пацаны. Я в шоке: вы кто? Вы что? Оказывается, один из них нашел автомат своего отца. Отец был в каком-то ополчении, в батальоне и не смог прийти. И он нашел автомат с одним рожком и решил защищать свой дом. И он мне говорит: «Если кто-то зайдет в подъезд, я его расстреляю!». А я говорю: «Нет, ты сейчас будешь сидеть в подвале. И никуда не вылезать! Потому что ты один ничего не сделаешь. Если ты выстрелишь хоть один раз, то вас здесь, всех вместе взятых, сожгут. Поэтому лучше здесь сиди и ничего не делай!». Он вроде меня послушался. И этот момент был всегда у меня перед глазами. Я понимал, что таких вот женщин с детьми в городе осталось много. Очень много людей, которые сидят в подвале: старики, женщины, дети. Мальчишку этого я не запомнил. Просто был такой день, я даже не помню некоторых моментов, потому что во время боевых действий человек бывает как «на автомате» и многие моменты просто не запоминаешь: людей, кто с тобой был, лица. Все похоже на серую, смазанную массу. Потом еще у меня была контузия. Не знаю, если бы я сейчас встретил этого мальчика, наверное, просто сильно пожал бы ему руку, обнял и сказал, что он настоящий мужик! Потому что в его возрасте и решиться на такое, думаю, сможет не каждый. Конечно, это неправильно изначально, что ребенок стоит с оружием в руках у себя в подвале и полон решимости этот самый подвал защищать от врага и так далее. Но это безумно смело! Думаю, у нас нормальное будущее, если такие дети растут. Они и своих детей научат, как правильно вести себя в жизни.

Боюсь ли я, что война снова начнется? У меня не страх, потому что страха как такового никогда не было. Но где-то внутри, в сознании, я допускаю такую возможность, что война опять может реально начаться. То есть я не уверен, что это не может быть никогда. Как может обернуться завтрашний день, никто не знает. Мое поколение, мы

выросли на войне. Мы к ней привыкли, мы с ней сжились. В определенные моменты нам бывает даже комфортнее при боевых действиях, чем при мирной жизни. Во время боевых действий мы четко понимаем что и как нам делать, в отличие от мирной жизни. Это неправильно. Так не должно быть. Я не хочу, чтобы будущие поколения, в том числе тот маленький ребенок, тоже выросли с оружием в руках и делали то же, что и мы. Я не хочу этого! И лучше я сделаю больше, чем допущу, чтобы он снова встал с оружием в руках. Потому что если каждое поколение будет расти с оружием в руках, то человек не двигается вперед, а, наоборот, идет назад. Не хочется, чтобы это всё опять повторялось снова.

В последнее время я все чаще вижу сны. Иногда бывают просто сны, про боевые действия. Иногда я вижу события и те дни, когда происходили реальные боевые действия. В этих снах меня иногда убивают, часто убиваю я или убивают тех, кто находится вокруг меня. Мне не хочется называть эти сны вещими, мне не хочется, чтобы они по-настоящему случились. Пусть всё это будет только во сне. Там можно переродиться как в компьютерной игре. Можно не беспокоиться за тех, кто возле тебя. Но пусть это будут просто сны. Только то, что такие сны стали видеться чаще, чем раньше, наталкивают на мысль, что что-то опять может начаться, того, чего я не хочу... очень, очень сильно не хочу!

* * *

М. К. Жительница Цхинвала, 37 лет

Родилась я в Тбилиси в 1976 году, в семье рабочих. Мама у меня работала на разных заводах: на пивзаводе, чайной фабрике, заводе шампанских вин. Папа был строителем, в молодости он увлекался спортом, тяжелой атлетикой, в основном, штангой. У него были призы. Брат, который старше меня на десять лет – артист цирка. Увлёкся в детстве цирком и с 13 лет он работает в цирке. Закончил Тбилисское цирковое училище и до сих пор в цирке. Сейчас он живет на Украине, в Харькове, у него свой эстрадно-цирковой коллектив. Вся моя семья – этнические осетины, мама у меня родом из Ленингорского района, папа – из Цхинвальского района. Мама и папа познакомились в Тбилиси, они поехали туда учиться и встретились там. Соединили свои жизни в единую и остались жить в Тбилиси. Получили квартиру в поселке Тевза, Тевза – по-русски, Темка – по – грузинский. Это возле Тбилисского водохранилища, его еще Тбилисским морем называют. Моё советское детство было очень счастливым. Мне казалось, что вся жизнь, на самом деле, будет такой же сказкой. Но эта сказка закончилась очень быстро.

Мы жили в большом многоэтажном корпусе, где все соседи были дружные. Собирались все во дворе дома, там у них была «биржа» своя такая, взрослые сидели или просто, или накрывали стол и вместе ужинали, а дети играли там же, рядышком. Или же они играли: кто в карты, кто в нарды, кто в домино. Всегда было весело. Единственное, днем бывало скучно, потому что многие были кто на работе, кто на учебе, но вечером жизнь опять начиналась. Соседи у меня там были и армяне, и изиды, и курды, и грузины, и осетины, и евреи: все-все... Разные соседи были, но между нами никогда не было никаких различий. Все как бы были едиными и одинаковыми. Сказка начала заканчиваться, когда заболела мама. Мама заболела в 1989 году. Тогда в Грузии как раз начались беспорядки, это события 9 апреля, когда был митинг, который закончился кровопролитием. Этот период был самым тяжелым. Во-первых, и люди стали какие-то... замкнулись каждый в себе, и мама заболела. Это был период, когда всем было тяжело. Мне тогда было 13 неполных лет, когда вот это все началось. Самое тяжелое было для меня как раз в 1989 году, когда я попала в больницу с приступом аппендицита. 7 апреля мне сделали операцию. Как раз эти митинги шли, транспорт не ходил, дороги были перекрыты, а мама ежедневно, каждый божий день ходила ко мне... С утра пойдет домой, готовила

покушать, брала что-то для меня переодеться и возвращалась пешком в больницу. А до больницы надо было часа три идти пешком. И так каждый день – с 6 утра домой, а ближе к обеду опять ко мне. И мне уже тогда было больно, что мама вот так из-за меня страдает. Она ведь сама уже болела тогда. А папа работал, он был очень хорошим специалистом, можно сказать одним из лучших. Он даже в Москве в советские времена занимал первые места. У него были такие звания, как «мастер золотые руки» и много еще других, я точно не помню как они назывались. Работа строителя очень тяжелая – с утра уходишь и поздно вечером возвращаешься домой, уже никакой. Брат на тот момент у меня уже был женат. Он поехал служить на Украину и остался там. Он попал в госпиталь, у него была травма еще со времен цирка – когда он работал в шапито, как-то упал с мотоцикла и сломал ключицу, и когда начал служить в армии, его отправили в госпиталь. Ему там делали операцию, вставляли какой-то штифт. Там он познакомился с медсестрой. И когда он уже заканчивал срок службы, решил жениться. Они поженились и, слава Богу, они по сей день вместе.

Мама умерла в 90-м году. Оказалось, что у нее была онкология. Но никто не знал об этом, пока... Даже врачи не могли определить, что с ней, пока ей не сделали операцию. Думали, что у нее камни в желчном пузыре и решили ее прооперировать, и когда ее вскрыли, то оказалось, что у нее онкология, рак. Сказали, что ей осталось жить не больше месяца. После ее смерти с папой жить стало тяжело, он запил, не представлял жизни без мамы. К тому времени он перестал работать, он уже всё... потерялся в жизни. С тех пор его практически никто не видел трезвым. Папа начал на меня огрызаться, я его начала раздражать. Но на тот момент я не понимала, что это такое, в чем я виновата? Потом уже перед его смертью я поняла, что он не мог на меня спокойно смотреть, потому что я напоминала ему маму. Когда соседи уже увидели, что я осталась при живом отце одна, они побоялись, что я пойду по неправильному пути, они же не знали какая я характером и решили выдать меня замуж. Я сбежала оттуда к брату на Украину и семь лет прожила там.

Я слышала, что в Тбилиси уже были беспорядки, к осетинам стали плохо относиться, занимали осетинские квартиры. Но нам повезло, у нас соседи хорошие оказались, они никого не пустили к нам в дом, поэтому наша квартира осталась нам. С маминим братом очень нехорошо поступили. Его избили, он был уже в возрасте, немолодой мужчина. Его поймали грузины и настолько избили, что он ослеп. У него были переломы разные, ребра сломаны. И сахар у него был... Видимо сахар

подскочил и он ослеп. Его случайно кто-то подобрал на дороге, вызвали скорую и его отвезли в больницу. После того, как он смог передвигаться, они уехали оттуда, покинули город. И сейчас его семья живет в России. Жена, дочка, внучки – во Владикавказе, в Северной Осетии. Ну и со знакомыми... я знаю, что отсюда из Южной Осетии ехал автобус в сторону Грузии и этот автобус задержали, людей всех вывели из автобуса. Мужчин заставили раздеться, обливали их холодной водой и загоняли их в машину большую, рефрижератор. И потом их опять через какое-то время оттуда выводили, обливали и назад. Многие, конечно, после этого не выжили, многие на сегодняшний день остались инвалидами, так и не смогли поправить свое здоровье. Мою тетю, знаю, зимой поймали, когда был сильный снег, морозы, и их заставляли входить в реку, в холодную воду. Это тоже произошло в районе грузинских сел, так как у нас, в Южной Осетии, расположение сел было смешанное – осетинское село, потом грузинское, снова осетинское, потом опять грузинское. Так что историй таких было очень много. Поэтому мое отношение к грузинам, хоть они и не проявляли ко мне лично никакого негатива, после всего этого стало очень негативным.

Вернулась я в Тбилиси в 1998 году, потому что заболел отец и мне надо было за ним ухаживать. Когда я вернулась, город сильно изменился. Он стал каким-то... Не знаю, может это мои личные ощущения такие были, но он стал неродным каким-то. Я его, в общем, перестала воспринимать как родной город. Соседи вроде бы ко мне также неплохо относились. Даже можно сказать хорошо относились, помогали мне чем могли. Тем не менее, чувствовалось, что они делают акцент на том, что я осетинка. Они могли сказать: «Жаль, что ты осетинка, была бы ты наша, у тебя бы не было проблем выйти здесь замуж, свою жизнь устроить. Но все-таки, получилось так, что ты у нас осетинка. Хотя и очень хороший человек».

Многие осетины, которых я знаю, вдруг с чего-то стали называть себя грузинами, и не дай Бог, чтобы кто-либо им сказал, что они осетины. Меняли фамилии, добавляли к их окончаниям «швили», будто бы от этого могла измениться их натура. Они прижились уже в этом городе, всю жизнь там прожили. Были у них хорошие рабочие места, были какие-то перспективы для тех, кто там учился, большой шанс «выйти в люди». И еще, помимо всего этого, были еще смешанные семьи. Были такие, что мама – грузинка, папа – осетин. Прожили всю жизнь вместе и на старости лет разводиться из-за этого?! Или тогда надо было бы уезжать вместе. Видимо, другого выхода они, наверное, не видели для себя, поэтому и меняли фамилии. Были случаи, что осе-

тина увольняли с работы, придирались к каким-то мелочам, давали выговоры и по приказу потом их убирали с работы, если они не соглашались уходить по собственной воле.

Папа умер в 1999 году. После его годовщины я решила уехать сюда, в Южную Осетию. Во-первых, здесь все люди родные, моя кровь. Во-вторых, у меня родители похоронены на территории Южной Осетии. И в-третьих, тут мне жить намного легче. Я фамилию менять не собиралась, у меня и в мыслях такого не было. Это для меня предательство. Поэтому я решила, что мне лучше будет уехать оттуда, а выбирать мне долго не приходилось. Я хотела быть поближе к тому месту, где похоронены мои родители. Я продала там квартиру, двухкомнатная там у меня была, и купила здесь трехкомнатную квартиру. Тогда считалось, что это был равноценный обмен, хотя получалось, вернее, мне все говорили, что это дешево. Но мне было нормально, для меня было главное, что я оттуда уехала. Через две недели после того, как я приехала, я начала работать. В Тбилиси никто не знал, что я уезжаю. Я это сделала тихо, молча. Соседи узнали, только когда я уже со своим чемоданом уезжала. Мебель, всё- всё там оставила, забрала только то, что можно было увезти ручной кладью. Я периодически приезжала и увозила сюда то посуду, то еще что-то. Своим соседям я не сказала, что уезжаю, потому что я знала, что они будут меня уговаривать не делать этого, а я не хотела слышать этих уговоров, потому что я для себя на тот момент решила, что это правильно. На момент моего отъезда Грузию возглавлял Эдуард Шеварднадзе и вроде стало спокойнее, хотелось надеяться на это, но я не верила. Зная натуру грузин, навряд ли они бы изменились. Они просто меняли шило на мыло: ушел один, пришел другой, такой же, просто говорит по-другому, а делает то же самое. Я и по сей день не верю, что что-то изменится. Честно говоря, я и сегодня ожидаю от них подвоха, и тогда это для меня не было сенсацией, что вот такие вещи происходили, потому что они всегда втихомолку пытались навредить осетинскому народу. Я не верю, что все закончилось и сейчас. В 2004 году я жила на окраине Цхинвала и мы все со всего корпуса спускались в подвал, пережидали там эти обстрелы. Успокаивалось немного – мы поднимались, а потом опять в подвал. И вот так... Пока опять на время они не умолкали.

В 2008 году я была здесь. Я вообще отсюда никогда не выезжала. У меня и паспорта то не было. Я получила гражданство и паспорт только после войны 2008 года. Поэтому я всегда была безвыездно здесь. В 2008 году, когда началась война, я была дома и спала. И когда только начали обстреливать, соседи чуть дверь мне не вышибли. Они боя-

лись, что я останусь там и со мной что-нибудь случится. Они даже попытались меня спустить в подвал. Я спросонья даже не поняла в чём дело и что происходит. Потом мы с соседями спустились в подвал и там сидели. Корпус дрожал от этих взрывов, даже в подвале ощущалось. Это было как мощное землетрясение. В подвале мы просидели, наверное, дней пять. Даже после того, как обстрел закончился, были такие, кто не хотел подниматься. Видимо, они не верили до конца, что все закончено. А оставлять их одних в подвале мы тоже не собирались, поэтому всем корпусом продолжали там сидеть.

Возле нашего корпуса жители потом нашли труп одного грузина. Грузинский танк прямо перед нашим подъездом разворачивался. Вот когда танк пытался развернуться возле нашего подъезда, он выстрелил в нижний корпус, который стоит ближе к границе с Грузией, ближе к селению Никози. И там стена пятого этажа, боковая стена отделилась, слегка отошла от корпуса. Но её отремонтировали потом, как-то восстановили после войны. Снаряд попал и в наш корпус на пятый этаж, но по случайности он почему-то не разорвался. Он влетел и там остался. Потом пришли из МЧС и вывезли его оттуда.

Мы периодически, когда бывало затишье, поднимались из подвала и выходили из подъезда. Я наблюдала как на глазах меняется город. Когда мы уже окончательно вышли из подвала и пошли по району искать наших соседей, молодых ребят, мужчин, которые служили в ополчении, мы хотели узнать: что, как, где они? И мы решили с соседями поискать их, что-нибудь о них разузнать. Слава Богу, из них никто не пострадал, все в порядке. Хотя, много ребят тогда полегло.

Самое страшное было видеть кругом руины, дороги все дырявые какие-то. Ямка на ямке и еще самый страшный момент – это то, что не было видно и слышно детей. Ни детского смеха, ничего. Вот это было самое страшное. Было ощущение, что жизнь полностью остановилась.

Я хотела верить, что жизнь восстановится, мы же не знали насколько все было плачевно и хотелось верить в лучшее. Но конкретная вера в это появилась, когда мы пришли на площадь и там, посреди площади, мы увидели одного единственного ребенка. Ему было где-то два-три годика. Когда мы увидели этого ребенка, все заплакали, потому что поверили, что жизнь впереди. Он был маленький такой в бейсболке, с пухлыми щечками и вьющимися волосами. Он, в общем, был очень красивый ребенок с большими глазами. И я поверила. У меня появилась конкретная вера в то, что жизнь продолжается, что это не всё! Мы встанем на ноги и все у нас будет хорошо, даже лучше, чем

было. После этого жизнь действительно пошла, начали восстанавливать город, дороги, начали заново отстраивать дома, у людей вновь появились места, где они могут жить, работа появилась. Жизнь налаживается. Конечно, нам еще придется потерпеть. Но я верю, что красивое будущее не за горами.

Мне кажется, что для грузин это нормально – пойти на осетин войной. Потому что я верю, что много чего могут сказать и им бы не хотелось, чтобы кто-то об этом знал.

Я не жалею о том, что уехала из Тбилиси. Когда я оттуда приехала, я, естественно, в совершенстве владела грузинским языком. Сегодня я почти забыла этот язык и не жалею об этом.

Когда я жила в Тбилиси, у меня там была соседка, подружка, с которой я дружила, можно сказать, с самого рождения. Мы периодически по интернету переписываемся. У них все хорошо, нормально, вроде бы. Я не спрашивала её обо всех этих событиях, потому что я все же с ней дружила и мне не хотелось бы сделать так, чтобы я открыла в ней что-то новое для себя. Я боюсь её спрашивать. Вдруг она придерживается того же мнения, что и власти?! Поэтому мы говорим на нейтральные темы. И она никогда мне таких вопросов не задает, потому что знает, что отвечу прямо о том, что думаю. Она тоже, видимо, не хочет этого слышать. Мы говорим так... про семью, про детей, вспоминаем детство и всё. Политика – тема, запрещенная для нас.

Мама, когда уже умирала, когда она поняла, что это её последние дни, собрала нас и сказала, чтобы мы её похоронили в селении, откуда родом папа. Мы даже не думали на тот момент, что сюда переедем. И даже её уговаривали не делать этого, что нам легче будет ходить на могилу в Тбилиси. И она тогда сказала: «Если не перевезете меня туда, заберу вас по одному к себе». Это была её последняя воля, мы её перевезли и похоронили в селении, откуда был папа родом. Когда мама умерла, папа сделал ограду так, чтобы после смерти его тоже там похоронили. И он также там похоронен. К сожалению, во время войны 90-х годов это селение, откуда родом мой папа, грузины сравняли с землей. Там ничего не осталось, только вот это маленькое кладбище и святыня, недалеко от кладбища. И еще, к большому сожалению, на сегодняшний день я никак не могу попасть туда, потому что там прямо впритык к кладбищу сделали полигон, где проходят учения для военных. Последний раз, два года назад, я смогла пробраться на кладбище, посетить своих родителей, повидаться с ними. С тех пор я никак не могу туда попасть. Пытаюсь как-то донести до правительства, донести до всех, ответственных за это людей, что нельзя так. Потому что

для осетин кладбище также считалось святым местом и его никогда нельзя было тревожить. Но, видимо, сейчас власти об этом не думают, для них это неважно.

Хоть я и жила в Тбилиси и воспитывалась в те времена, когда отрицалось существование Бога или вообще всего святого, тем не менее, мои родители смогли привить мне любовь к осетинской культуре, традициям. Они меня многому научили, для нас это было важно, очень важно. И на сегодняшний день я как могу, не скажу, что я безгрешная, даже самый святой человек на Земле и тот грешен, но, тем не менее, я максимально стараюсь придерживаться наших традиций, нашей культуры. Я интересуюсь этим и влезла в это намного глубже, чем учили меня. Я пытаюсь выяснить, например, какие послания пытались оставить нам наши предки, что они пытались нам завещать, что мы должны об этом знать. Потому что многие послания зашифрованы и нужно долгие годы, наверное, над ними работать, чтобы понять, наконец, что и как. Я пытаюсь как-то привнести в жизнь то, что я чувствую через эти учения, пытаюсь расшифровать какие-то орнаменты. Изначально я увлеклась даже выжиганием. Я пыталась выжигать доски для осетинских пирогов осетинским орнаментом, этюдами из Нартского эпоса. Сейчас начала разрисовывать бутылки в осетинском стиле. Надеюсь на этом не останавливаться, еще чему-нибудь научусь. Мне бы хотелось, чтобы люди более серьезно относились к осетинским традициям, культуре, к религии и начали следовать ей, потому что наша религия и есть наша культура. Вот тогда, как я считаю, Осетия выживет, встанет на ноги, станет более сильной.

Люди скорее всего воюют от своего бессилия. Войну всегда начинает слабый. По моему мнению, это слабость и жадность. Просто надо жить своей историей, надо жить по-божески. Для того, чтобы прекратились все войны, нужна одна единственная, истинная религия. Для этого нужно просто правильно расшифровать Библию, переписать её правильно. Так, как она была задумана изначально. Я считаю, что после этого Библия переписывалась столько раз! Столько тысяч и миллионов раз! И все делалось, в принципе, через церковь и всегда, естественно, пытались переписать под власть. Потому что там, где была религия, всегда были и заинтересованные в ней верхушки – те же самые цари, та же самая церковь.

В Библии написано «не убий», но это «не убий» специально для простого народа, потому что я не знаю еще такого правителя, который бы не убил. Войны ведь тоже идут все от правителей. Они начинают эти войны, они осознанно идут на это и знают, что погибнет не один и не два человека, а народы могут погибнуть.

С. А. жительница микрорайона “Хурзарин” г. Цхинвала, 65 лет

В Южной Осетии есть село, называется Ортеви, я родилась там. Выросла здесь, в Цхинвале. Пошла в школу, закончила математический класс в шестой школе. Затем поступила здесь же в институт на физмат. После института меня направили работать в Грузию, в Лагодехский район, в село Свободное – это русское село. Меня приняли там очень хорошо, директором школы был осетин, Парастаев. Мне сразу нашли квартиру, я там жила с женщиной. Коллектив был очень хороший, работала, будто бы понравилась и ученикам, и учителям. Там же я вышла замуж за русского, у меня двое детей, фамилия их Сердюковы. Там у нас была только девятилетка и после окончания надо было идти в грузинскую школу, но мои дети так и не научились говорить по-грузински, поэтому мне пришлось их привезти сюда. Здесь у меня, в Цхинвале, жили родители. В девяностых годах я детей как раз привезла сюда, хотела устроить здесь детей как-то. У моих родителей здесь дом полностью сгорел в 90-ые годы. И им дали вагончик, который они поставили не возле своего дома, а возле дома моего брата, на улице Таболова. Там они жили в вагончике без нормальных условий. Короче, девочка моя здесь закончила экономический факультет, а мальчик – юридический во Владикавказе.

Наше русское село было в Грузии. Очень часто нас – учителей собирали в сельсовете, говорили много о том, что Россия является врагом Грузии. Там еще есть село Цанискари. Там нас собрали и на этом митинге выступали грузины. Один мужчина говорил: «Давайте отрежем всем русским головы и пошлем в посылках в Россию». Потом женщины начали: как это можно?! Даже как ты посмел такое сказать?! Ну, не каждый же был такой вот.... Ну, в общем, были даже случаи, когда русские стояли в очереди за хлебом, за молоком, их оскорбляли: «Ты русская, что ты тут делаешь? Убирайся в свою Россию!» Конечно не все так говорили, но такие моменты были. Я сама как-то поехала туда на автобусе, хотела сойти, мне шофер что-то сказал, а я по-русски ему ответила, а он мне: «А что ты тут еще делаешь? Убирайся отсюда!». Ну, я на него посмотрела, сошла и пошла.

Потом начали и про осетин что-то говорить. Наш директор бросил свою работу. Сказали, что осетины не должны работать на должностях, все осетины, которые работают на должности, должны освободить свои места. И многие освободили, писали заявления об уходе. У меня соседка, Семенихина, бросила работу в Тбилиси, в детском са-

дикое, из-за того, что она русская. «Пиши, мол, заявление», – она мне рассказывала. И что осетинам предлагали то же самое: пишите собственноручно, что вы хотите переехать, и освобождали с работы. Была иногда в деревне стрельба какая-то. И мы боялись! Я осетинка, муж – русский. Все боялись. Но все-таки больше боялись осетины. Я один раз даже под потолок залезла и там переночевала. Оказывается, сосед убил свою собаку, а я думала пришли... Ну, мало ли чего! Ходили мародеры и всякие другие. Я так перепугалась! Потом, я ничего не знала о своих, что там происходит. Оказывается, наш дом сгорел. Мои родители покинули Южную Осетию. Вернее, мать поехала во Владикавказ, её ранили в ногу, потом не вытерпела, обратно вернулась. Её нога очень долго не заживала. Отец от того, что и дом сгорел, и в общем переживал, скоропостижно скончался. Мать только успела справить годовщину его смерти и сама умерла: нога воспалилась, у нее потом обнаружили еще и рак. В общем, она тоже скончалась. Здесь у нас ничего не осталось, только мои братья здесь живут до сих пор. А я сама... Моих детей я тогда устроила во Владикавказе, на квартире съемной они жили. Дочка потом вышла за осетина замуж там, сын тоже женился на осетинке здешней, джавской. И там на квартирах живут оба. А я вернулась в Грузию, в село. Сказать честно, нас не трогали. Мы работали, ходили в школу, все как положено. Но директор у нас уже русский был, мой бывший ученик, до 2008 года, до войны. Когда 8 августа передали, что война, ой, Господи! Думаю, что мы будем делать? Сама я побоялась идти, но своего мужа отправила, говорю: «Ты русский, может быть так лучше, ты как-то проберешься до Цхинвала». Он доехал до Гори и ему русские там сказали: «Гражданства у тебя нет, значит нельзя». В общем, он вернулся обратно. А у меня гражданство было, потому что я то девушка местная. А после войны я думала, что здесь, в Южной Осетии, уже всё... Никого не осталось в живых.

Первого сентября мы пришли в школу и нам сказали, чтобы мы все вышли на трассу. Нас всех вывели, не только учителей, но и учеников, и местных жителей. Поставили их вот так: от Лагодехи в сторону Цнори поставили всех на расстоянии вытянутой руки, в руки дали флажки грузинские и плакаты «Долой Россию!». И потом мимо нас проезжали на машине и снимали видео: вот, мол, посмотрите, вся Грузия против России! Нас фактически заставили это сделать. Мы еще отказывались: не пойдем! А наш директор говорит: «Хочешь работать? Значит выходи на трассу». Я тогда еще не знала, что мне делать – оставаться там или уехать оттуда? Мои родители после войны в 90-х просили, чтобы я вернулась сюда. Хотели купить здесь хоть лачужку какую-нибудь. Но таких денег у нас не было. И мы из-за этого задержались там. Потом

хотели уехать, но тянули-тянули резину, я даже приезжала в Цхинвал, оставила здесь заявление, тогда мне предлагали здесь дом в селе Цунар. Я мужу говорила, чтобы переехали, а он – нет, из села в село, то да сё, чего-то сразу не захотел. Поэтому мы там остались. И вот когда 1 сентября нас вот так вывели, я пришла домой, думала-думала, схватила свою сумку утром рано второго числа и поехала! Думаю: пойду, попробую! Если попробуешь, то попробуешь. Приехала в Гори, там поговорила с таксистами, чтобы они меня как можно ближе подвезли, но все отказались. Потом подошла к русским солдатам, которые там стояли. Они меня попросили показать паспорт, посмотрели и говорят: «Пропустить мы тебя пропустим, но как ты пойдешь? Транспорта никакого нет». Я говорю: «Мне лишь бы пройти». Ну и пошла. Пошла, шла-шла и дошла до какого-то моста. Там тоже русские стояли солдаты. Также посмотрели мой паспорт и пожалели меня: как ты дойдешь до Цхинвала? А я пошла все равно. Шла, шла и мне встретилась всего одна машина – это Красный крест, которая мчалась куда-то туда, в ту сторону. Оттуда слышны были взрывы, но по трассе никого не было. Я даже боялась: земля вся черная и с этой стороны, и с той гильзы, вот такие большие, валяются везде и всюду. И запахи какие-то, трупов или чего-то еще. Но я не останавливалась, шла, шла и, в общем, дошла до Цхинвала. Я не знаю, сколько мне пришлось идти из Гори сюда. Там на ТЭЖе стояли наши осетины и русские. Они увидели, что я иду одна и никого рядом, издали меня увидели, и когда я приблизилась: а ну иди сюда! Подозвали меня, позвали русского офицера. Ну, я и им объяснила, что ничего особенного. Оттуда я позвонила своим, они меня искали, а с мужем я так договорилась – я попробую пробраться, если попробуешь, потом видно будет что и как. Когда я пробралась, позвонила, тогда еще работала связь отсюда-туда, говорю: «Вот так и так, я уже здесь». А муж: «И что мы теперь будем делать?». Я говорю: «Не знаю, обратной дороги у меня нет, если только ты приедешь сюда». Но он: «А как я брошу свою больную мать?». Короче, он остался там.

Когда я еще жила там, российские каналы отключили и они все время вели такую агитацию, что Россия – наш враг. Но каждый понимал, что это не так. Тем более образованные люди, врачи т.д. Но... Такая агитация была, что... Большинство из нашего села уехали в Россию, кто в Курск, кто куда. Там почти никого не осталось и в школе учеников почти не осталось. Грузин полно, все квартиры понакупили сами грузины, из Азербайджана и из Гурджаани. Вот оттуда очень многие приехали туда. А вся местная молодежь уехала, там остались только те, кому просто было некуда ехать. Потом я обратилась насчет своего мужа в Красный крест в Цхинвале. Они мне сказали, что если там найдет-

ся несколько семей, они могут их перевезти, но из-за одного человека они туда не поедут. Я своему мужу потом сообщила, чтобы он поговорил с нашими соседями и если они захотят, то Красный крест приедет и заберет их всех. Но он сказал, что они никуда не собираются. Сейчас те единицы, кто там остались, старые женщины, мужчины, стали пить и многие уже умерли от этого.

Мои дети звонят отцу часто. Деньги посылаем ему. Там нет зарплаты. Только на то, что получишь со своего огорода, на это и будешь жить. Летом к нему поехала его сестра, сама она живет в Краснодаре, целый месяц была там, помогала ему с уборкой урожая. И она сказала так: «Твой муж говорит, что пока я живу, пока я могу, я отсюда не уеду». Очень хочет видеть внуков и всех, и все время переживает, что я замуж тут вышла. Никуда я не вышла! Вот так и живет там один. И брат у него там. Держат связь, помогают друг другу, но он один.

А мне дали квартиру в районе «Солнечном» (Хурзарин), в Цхинвале, кое-как, тоже с большими трудностями. Сейчас там и живу. Устроилась на работату.

Самую большую ошибку совершил Гамсахурдиа. Он сделал первую ошибку, а потом пошло и пошло. Когда в 2008 году была война, после я узнала, что в ней участвовали молодые ребята, живущие в нашем селе, в Свободном. Там грузины уже жили, там очень много ребят было. И они в Южную Осетию приехали воевать. Их прислали сюда воевать на танках. Знаю я это оттуда, что когда они вернулись восьмого ночью, девятого начали пускать такие разговоры, что Россия их так атаквала, что они бежали, не видя перед собой ничего, прятались в воронках и вернулись домой еле живые. Они рассказывали, будто бы Россия, когда она пришла сюда, такое устроила, что грузины бежали кто как мог. Женщина одна, не знаю кем-то она работала в Лагодехском районе, из высших органов, рассказывала там такие вещи: «Столько ребят наших там погибло!». Как будто Россия их погубила, понимаете? А я говорю: «А сколько русских погибло?». Она на меня так наорала, что... У нас грузинка одна была, учительница грузинского языка, мы с ней начали спорить, и она все равно оправдывала грузин. По радио передавали все время такие слухи, что, вот, погибли наши ребята, их расстреляли, их арестовали, их поубивали, причем именно делали это осетины и русские. А что наши здесь гибли, этого никто не видел. И что всех там грузин поубивали. А ну, сейчас спросите горийцев! Наоборот, они говорят, что к ним хорошо относились российские солдаты. Даже пайки свои давали, потому что нечего было кушать.

7-го ночью передали, что Грузия никогда не будет воевать с осетинами, что они братья, и Саакашвили выступал, даже еще говорил, что

осетины придумали как делать топленое масло из молока, все это, он говорил, нас осетины научили. В общем, он осетин тогда поднял на высоту, а ночью приехал воевать. Как это понять?! Он даже в одном осетинском селе в нашем районе памятник Коста Хетагурову помог восстановить. Как будто бы очень хорошо относятся к осетинам. И школу осетинскую они там отремонтировали, хотя после его ухода этот ремонт рухнул моментально. Штукатурка посыпалась, жаловались учителя: что они нам сделали?! В общем, покрасовались и всё. Война началась, никто не знал кто на кого напал, то ли Россия напала на осетин и Грузия их защищает, то ли Грузия зашла и воюет. Пока не вернулись вот эти ребята, никто особо ничего не знал. А ребята преподнесли так, как будто Россия напала на грузин и гнала их как мышей с поля.

Я не жалею, что вернулась обратно. Знаете, я как замуж вышла и вообще туда уехала, работала как хороший ишак. У нас бывали одновременно и огурцы, и помидоры. Все в один момент! Была тяжелая физическая работа. Там был эфи́ро-масличный завод и мы обрабатывали герань. Этот завод тоже рухнул потом, его уже нет. Благодаря этому заводу мы выживали, хотя работа была сезонной. А теперь там работы вообще нет никакой. Я сейчас очень довольна, что я здесь. Родители давно хотели вернуть меня оттуда. Они когда у меня там бывали в гостях, видели как мы работаем, как мы вкалываем, как мои дети с малых лет со своими маленькими тяпками, которые мы им делали, работают. Моя мама всегда ругалась, как я их могу заставлять так вкалывать? А я говорила: «Ну они лучше меня работают, еще и мне помогают». А как же? Там иначе никак нельзя было: если заработаешь, то что-то будет, а не заработаешь – не будет. Школа тоже... Постепенно учеников не стало, грузинские дети по-русски не знали. В РОНО объявили, что нужно перейти на грузинский язык – создать первый класс на базе грузинского сектора, чтобы постепенно все перешло на грузинский язык. Так они и сделали. Хоть директор наш и русский был – из русской семьи, которая очень давно переехала из Ростова и там обосновалась, сестры его вышли за грузин и они «огрузинились». Они очень хорошо знали грузинский язык, вот так и работают там, хотя живут в другом селе, но ходят пешком три километра. Тогда пешком ходили, сейчас не знаю, может заимели машины.

Мужу сейчас посылаем то пять тысяч, то три тысячи. Он все еще живет там. Даже со своей сестрой прислал инжировое варенье с нашего дерева. Говорит, что сам его варил, она помогала, но варил он сам и решил прислать вам гостинец. Он говорит, что не сможет больше там...

* * *

Т. М. жительница пос. Ленингор¹, 40 лет

1988 году мне было 12 или 13 лет. И вот что осталось у меня в памяти – у нас был близкий сосед, который был заместителем начальника милиции и к ним ходили эти... их называли «лидеры». И это слово – «лидеры», где-то лет 20 потом для меня было самым страшным словом. «Лидеры» означало для меня люди, которые приходят, оскорбляют, выгоняют людей. Моя семья этого человека несколько раз защищала, за что один раз избili моего отца и один раз моего дядю, который был у нас в гостях. В общем, эта семья не покинула район. Жена у него была грузинка и они остались. Но для них это все было оскорблением, потому что к ним приходили, ругались на них матом, закидывали их, кричали. Не хочу называть фамилию и имя того, кто к ним приходил, но я хорошо помню этого человека, я сама его видела на пороге дома. Помню их с детства, их, которых называли тогда «лидерами», их и сейчас никто не трогает. Помню, что из моего класса ушли дети. Мы как могли старались им говорить, что нам жаль, что они нас покидают. Это были осетины. Я помню, что один мой одноклассник говорил как он не хочет уезжать. Но они все равно уехали во Владикавказ и их судьба там очень плохо сложилась. Отец умер от сердечного приступа. Потом он и его сестра попали в аварию, в машине сидели он с женой, сестра с женихом. Жених умер, его жена до сих пор сидит на инвалидной коляске, она не может больше ходить, и они расстались.

В школе у нас были и такие, которые разжигали огонь, были и те, кто говорил, что так не надо. Но не было ни одного, кто бы сказал – это не ваше дело и лучше, чтобы вы, дети, учились, что несовершеннолетним школьникам нельзя участвовать в политических событиях и выходить на митинги.

Были плохие времена. Еле-еле находили из чего готовить еду. Моя семья точно так жила, было трудно финансово. Я очень хорошо помню какие вкусные были котлеты из гречки на Новый год! Но во всем этом были и свои плюсы – не знаю, но где-то 50 узоров я умела вязать. Сейчас все забыла, потому что сейчас все можно купить, а тогда как могли старались что-то делать сами, чтобы выглядеть более красиво.

В районе мы слышали, что эти «лидеры» ограбили одно осетинское село. Я даже видела дома, где их одеяла, ковры, матрасы лежали, проветривались. И видели все, что после этих ограблений у нас в районе, у неко-

¹ Название мест не редактировались и представлены так, как их употребляют рассказчики.

торых семей появились коровы, свиньи. Про их жестокость мы тоже слышали. С одной стороны, я боялась, что может быть к нам тоже придут, с другой стороны, не боялась, потому что, во-первых, мы не были осетинами, во-вторых, они приходили к тем, у кого была хорошая жизнь, что нам тоже не грозило, потому что мы жили небогато, так, на ежедневную еду мы жили. Наша бедность нам тоже помогала, ведь им было все равно, кого грабить, иногда национальность не имела значения, потому что говорили, что они бывали под наркотическим кайфом. По вечерам мы слышали как стреляли из автоматов, в общем, был бардак для всех.

Мы, живя в Ленингоре, ничего не слышали о том, что вообще происходило в Южной Осетии. Я – активный человек, и сейчас слежу за событиями по интернету, по газетам. Но сейчас, как и 20 лет назад, люди здесь не знают ничего про Южную Осетию, о том, что здесь происходит. У нас не показывают местные телеканалы. Сказать, что у некоторых ленингорцев вообще есть к этому интерес, тоже не могу, потому что многие не видят своего будущего здесь, им все равно. Главная цель – заработать деньги и всё. Не только 20 лет назад, даже то, что было в 2008 году не слышали. Я сама, например, своим близким, родственникам звонила в Тбилиси и говорила: «Приезжайте к нам, здесь такая тишина! Какая война? О чем вы говорите?». Мы знали только то, что показывали по телевидению. А там показывали стройку, которая шла у нас в поселке 8-го, 9-го, 11-го, 12-го августа. Люди строили себе частные дома.

Не могу сказать, что наша жизнь очень изменилась с приходом Саакашвили. Немного изменилась на уровне самоуправления. Он любил такие театрализованные постановки. У нас он тоже был один раз, когда хотел показать, что наши местные руководители просто воры бюджета и необразованные люди. Но через месяц они стали сторонниками друг друга. И тех, кого он месяц или два назад называл публично свиньями у нас в районе, потом их же в парламенте называл «героями нашего времени».

Как-то в 2006 году, в один день, нам сказали, что у нас пройдут выборы и что мы должны выбрать «Временную администрацию Южной Осетии». Я одной из своих подруг говорю: «Какие у нас должны состояться выборы? И при чем здесь какой-то Дмитрий Санакоев?». Территориально мы принадлежали Мцхета-Мтианетской губернии. У нас есть губернатор, которого мы не выбираем, а назначает его президент. Есть у нас «гамгебели» из муниципалитета, есть у нас «сакребуло» и председатель этого сакребуло. А он что будет делать? Как мы будем подчиняться? Или будем ли вообще? Или зачем все это? Мы даже с

одной подругой решили эту тему поднять перед журналистами. Но, видимо, это было не в государственных интересах и никто из них не поинтересовался, что мы думаем по этому поводу. Я тогда и не знала, где находились Курта, Тамарашени, я только сейчас узнала. Кому они принадлежали, я не знала. Мы никогда не слышали, чтобы они имели отношение к нашему району, мы не слышали и про Диму Санакоева. Потом пришли, как всегда, вот эти «лидеры» или наследники «лидеров», стояли вокруг Димы. В тот момент он для них уже не был осетин, и они вдруг начали поддерживать Юго-Осетинскую область. У нас был депутат-мажоритарий, который в парламенте Грузии поддерживал идею восстановления бывшей Юго-Осетинской области в ее границах, включая и наш район, т.к. мы принадлежали ей по старым картам, чтобы состоялись эти выборы. И мы все время слышали: Дима пришел что-то подарил, Дима пришел-подарил, Дима пришел... В общем, Дима был мессией для ленингорцев.

Таких выборов на моей памяти не было! Думаю, так как это было, больше и не будет! Я жила со своими родителями в таком тупике, если кто-нибудь точно не знает где это находится, никогда бы его не нашел. Но даже там стояли спецназовцы ночью перед выборами. Весь район был заполнен спецназовцами. Появление вооруженных лиц было для нас сюрпризом. Столько лет мы их не видели, а тут... И еще – Дима проголосовал именно в нашем районе, где он не был прописан и где он не собирался устраивать свою резиденцию. В общем, это была какая-то постановка. Про вооруженных людей нам объяснили, что есть опасность, что из Цхинвала будут провокации. Если честно, я думала, как можно из Цхинвала устроить у нас какие-то теракты? Для меня это была другая планета. Как мы и ожидали, выборы прошли очень хорошо. Те, кто выбирали Гамсахурдия, те, кто выбрали Саакашвили, выбрали и Диму Санакоева. Вот, до сих пор всех они выбирают. Я имею ввиду тех, кто в комиссиях наблюдателей, и тех, кто подсчитывает голоса, это одни и те же люди уже больше двадцати двух лет. День выборов был с дол-гармониками, с пирогами на избирательном участке. Я помню своего ребенка, ей было 7 или 8 лет, которая умоляла меня: «Давай пойдем, выберем ...». Там же было много рекламы по району: «Выберем Диму Санакоева!». А она осетинка и просила: «Давай выберем Диму Санакоева, прошу тебя!». Мы поехали, конечно. Я уже 22 года участвую в выборах и может уже 6-ой или 8-ой раз я голосую «против всех». Только 2-3 раза – сейчас и до войны проголосовала как надо. Но вот эти выборы вызывали у меня неприязнь. Сам человек был как булочка, не вызывал агрессию. Но

его окружение точно вызывало у меня агрессию, даже не агрессию, скорее неприязнь. Потому что знала, что они делают это ради денег. Выборы закончились и всё.

В 1993 году я вышла замуж за осетина. Меня украл один местный парень, о котором я просто знала, что он там живет. Я была несовершеннолетняя, вышла замуж. Не хочу об этом больше говорить, наша семья не состоялась, мы живем раздельно. Зато у меня есть дочь, прекрасная Анна. Я всегда чувствовала у Анны, несмотря на то, что она росла в окружении грузин, мы всегда в семье говорили на грузинском, но у нее внутри (я думаю у всех осетин это есть) всегда было желание сказать: «Вот какие осетины хорошие!». Она так и ждала, когда это можно будет сказать. Потому что по телевизору постоянно говорили, что осетины кого-то украли, взяли в плен, потом требуют деньги. Она только это слышала. И вот однажды рассказывали, что украли какого-то Петриашвили из Гори в Цхинвали. Но это был чистый бизнес, не политическое преступление. Он кому-то деньги не вернул, не знаю. И потом показали, как сам Эдуард Кокойты передал его отцу, и Анна говорит: «Вот видите, какой он хороший». Ей было пять или шесть лет и она говорила: «Сейчас выходите и докажите, что он нехороший человек, видите, он ведь особенный!». Она была в восторге от Кокойты! Я помню, когда она научилась считалке в детской игре. Научилась первый раз проговаривать эту считалку на осетинском. Она была такой гордой! Она думала, что знает все произведения Коста Хетагурова. Для нее это было равнозначно! Она часто собирала детей, приглашала наших женщин – соседок. И всегда говорила так: «А сейчас я буду читать на осетинском стихотворения». И наши соседи-осетины всегда говорили: «Что? Анна, это не по-осетински!». Даже недавно она сказала мне, что хочет, несмотря ни на что, хочет сохранить свои национальные корни. Она спрашивала меня: «Как ты думаешь, как можно записаться на «Зозирти»?». Сейчас ее фамилия – Зозирова. Нравится мне или нет, но я всегда её поддерживаю и я ответила, что про это можно узнать и она может сделать себе подарок. Может для кого-то это ничего не значит и мне скажут: «А почему она не разговаривает по-осетински?». Но когда она была в Ленингоре и ходила в школу, она понимала язык. Она общалась с бабушкой, которая, кстати, постоянно с ней общается на осетинском. У Ани бабушка-осетинка. И это для меня плюс, и, кстати, у нее в университете в Тбилиси есть еще две осетинки. Но их фамилии заканчиваются на «швили». Анна как-то мне рассказывала, что один из ее однокурсников сказал, что у них осетинка только она и эти двое сказали: «Мы тоже осетины!». Но она им ответила: «Вы «швили» и

больше не говорите об этом». Может это мелочи, но в нашей ситуации, в наше время, я думаю, это тоже хорошо.

Мне жаль, что прошло больше 7 лет после 2008 года, но приезжающие сюда чиновники до сих пор напоминают нам о том, что мы не говорим по-осетински. Да, мы не говорим, потому что никто нас этому не учит. Минимум, что для этого надо сделать – организовать один кружок. Всем с кем я знакома, включая лидеров политических партий, после того как прочла обращение с призывом отправить добровольцев воевать на Украине, я сказала: «Почему вы не хотите отправить филологов-добровольцев в Ленингор? Зачем вам воевать? Лучше отправьте добровольцев осетинского языка». Вот и партиям это советую, ведь для них это не такие глобальные вопросы, которые они никогда в жизни не решат. Лучше решать такие, на местном уровне.

Потом был 2008 год. У нас была такая пропаганда! Я была в Тбилиси и нашу маршрутку остановили, передвинули на другую сторону, сказали, что нам нужно пропустить армию, сказали, что там опасно и не пустили. Я даже помню, что помахала им рукой. Думала, что там какая-то группа бандитов убивает, всех беспокоит, и они будут всех их – и осетин, и грузин освобождать! Мы жили на другой планете! Потом было так, что к нам ходили и говорили, что не надо паниковать, ничего нет, все так, как вы и слышали раньше. Мы не знали, что идет война. Даже тогда, когда сказали, что есть приказ о восстановлении конституционного порядка. Я думала, что это такое «конституционный порядок»? И еще нам говорили тогда, что все это скоро закончится, мы же здесь, и говорили это не простые люди, а люди, которые обязаны в таких ситуациях заботиться больше о нас, а не о своей шкуре и семьях. Потом мы услышали, что ночью, когда все спали, они увезли свои семьи, вещи, все что было у них дорогое в доме. Даже скот увозили. А нам говорили, что мы должны остаться здесь. Было правительство, которое заботилось о своем личном скоте: баранах, телятах, коровах, быках, а о нас не заботилось. И потом у нас не было ни смысла, ни возможности уехать, даже если была опасность, и мы остались там. Я осталась со своим ребенком. Если я сейчас, например, критикую власти и что-то не могу им простить, то я еще больше скажу вам – я до сих пор не могу простить ту бывшую власть и моих бывших друзей, которые меня не предупредили, что они ночью собираются уезжать. Я перестала с ними общаться. Слава Богу, с моей дочерью ничего не случилось, но я всегда допускаю, что могло случиться. Они не были со мной в беде и сейчас они мне уже не нужны.

16 августа 2008 года мы были в церкви, там проходила какая-то служба, и вдруг вбежала женщина, которая руководила службой «Скорая помощь» и сказала: «Идут!», просто – «Идут!». И мы уже поняли, кто идет. «Спасите себя!». Это означало, что нам нужно бежать. Куда? Пришлось идти пешком в лес. Моя мама работала тогда в пекарне. Я попросила отца сходить к маме, чтобы она тоже убежала, но она не пошла. Говорит: «Вот сколько у меня хлеба, как я могу его оставить?! Все это испортится! Даже если меня убьют, хлеб я так не оставлю! И он не мой личный хлеб!». Короче, она не пошла. А мы с Анной и отцом пошли в лес. Но там в лесу больше было шума, чем тишины. Там были дети, которые плакали, и чужие бабушки, которые их развлекали какими-то стихотворениями. Там все время обсуждали темы про изнасилования и убийства. Об этом по грузинскому телевидению говорили. Мы представляли, что все это произойдет и у нас, что к нам придут и просто из-за нашей национальности это сделают. К нам кого-то послали и сказали, что если вы не снайперы или бандиты, выходите и я вышла. Если я чего-то боюсь, мне лучше не через сплетни, а самой столкнуться с этим. И ничего такого я не увидела. Увидела просто бородатых, наверное, цхинвальских парней, которые общались с нами. Несколько человек мне сказали: «Я тебя помню». Но я не помнила их. Я случайно была одета во все черное. И несколько человек задали мне такой вопрос: «Кто у тебя умер во время войны? – Никто. – А почему ты в трауре?» Говорю, что это просто совпадение. Потом я решила, что во время конфликта надо и за одеждой следить, в которой ты выходишь, на много чего надо обращать внимание.

Я осталась на работе одна. Когда я пыталась понять, что у нас происходит, понимала, что власти не было. Приезжали те, у кого были больше мускулов, они становились главой администрации. Потом приезжал кто-то с большими мускулами и он становился. В общем, был бардак. Даже в конце августа – начале сентября какую-то смешанную комиссию придумали, которая должна была управлять районом. Собрали людей и попросили в зале ответить на вопрос: «Кому вы доверяете больше?». Помню, что там выразили доверие одному «лидеру» местные осетины! Не только местные, один был приехавший из Цхинвала. И потом один из местных осетин начал кричать: «Опять таким бандитам доверяете, которые нас тогда унижали!». И уже не помню с какого числа и месяца у нас появился первый глава администрации. Он был местный, но все равно был страшный бардак. Люди стояли на мешках, на лестнице и зарплаты раздавали так.

Много людей уехало во время августовских дней, но в сентябре они вернулись, когда узнали, что тут никого не убили, чужую собственность никто не присвоил. Но они снова уехали, когда построили в Церовани лагерь беженцев. Я всегда говорю, что эти люди уехали не из-за страха, а из-за красивых и хороших удобств, которые им там предложили. Потому что в сентябре, когда начался учебный год, и до января или до середины января только в одном поселке у нас было 200 учеников в школе. А сейчас во всем районе всего 200 учеников. У нас ничего не происходит, говорят, что у нас нет талантливых детей. Наши дети, которые уехали, получают грамоты за рубежом. Просто в Грузии больше возможностей для детей, для развития, для всего. У нас тоже можно создать эти условия, просто этого никто не требует и никто не хочет забивать этим голову.

Некоторые осетины, которые покинули район в 90-е, вернулись и там живут. Это те, кому дали три, четыре работы. Но некоторые, например, семья моего одноклассника, вернулись, но обратно уехали, не смогли там больше жить. Потому что куда бы мы не заходили, ответ нам никто не давал. И не интересно жить там, где ты не в курсе происходящего, там, где нет закона. А закон – это у кого какое к тебе отношение. Например, очень строго написано, что надо сдать документы, чтобы получить пропуск для выезда и въезда в Ленингор из Грузии. Если КГБ посчитает, что человек его заслуживает, он может получить этот пропуск. Но почему-то все эти люди в свое время заслуживали «девятые формы» (паспортная справка). Но когда, например, для моей сестры устраивают такую бюрократию и уже два года как она не может приехать, нам это просто обидно. Нам только доверяют во время выборов. Я не знаю как точно выразиться, но главная наша общая ошибка – это война. Война, в первую очередь. Думаю, что даже если кому-то нужна моя красавица-квартира, я отдам ее без войны. Мне не стоит убивать, воевать даже из-за своей квартиры. И ни одна слеза ребенка, матери или отца не стоит ни одного сантиметра земли. Все мы умрем и где-то всегда найдется место, где нас смогут похоронить. Я никогда не баллотировалась, у меня никогда не было амбиций, чтобы меня выбрали или дали мне возможность управлять людьми. Но те, кто берет на себя эту ответственность, пусть они сделают так, чтобы не страдали простые люди. Одна моя подруга задала такой вопрос: «Тамара, кем ты считаешь себя больше – гражданином Южной Осетии или гражданином Грузии?». Я и сейчас это искренне озвучиваю и пусть об этом задумываются и наши власти – я хочу стать полноценным жителем Южной Осетии. Но пока не получается.

З. К. жительница г. Цхинвала, 55 лет

Я родилась в чисто осетинской семье. Бабушки у меня были все осетинки, дедушки – осетины. Короче, я – чистокровная осетинка, которая родилась в Грузии, и в нашей семье всегда сохранялись осетинские традиции. Мама была из Душетского района, тоже чистокровные осетины. Их было пятеро братьев и две сестры. Держали большое хозяйство. Был у меня и папа, конечно, умер, когда я была в девятом классе. В семье мы держали большое хозяйство, как и все, в принципе. Тогда никто не был бедным, не голодали и не нуждались. Несмотря на это, все дети получили высшее образование, учились. Меня на танцы водили и делали все, что полагается. Говорят эмигранты больше сохраняют традиции в семье. У нас, например, всегда отмечали осетинские Жауры бонта (святые праздники), Ичъината, Джеоргобата отмечали всегда. У нас рядом была грузинская деревня, допустим, кто-то умер, приглашают на похороны специальные гонцы. Мы не посылали, мы обе деревни – осетинская и грузинская деревни были обязаны ходить друг к другу без приглашения. Ровно так же и на Жуары бонта (святые праздники). Дни поминовения мертвых делали тоже по осетинским традициям. У нас была общая школа, общий сельсовет, общий детский садик. Жили дружно и хорошо. С другой стороны, если честно, когда я была ребенком, громко разговаривать по-осетински было стыдно. Как-то некрасиво считалось. Мы комплексовали. Почему? Видимо, там такая атмосфера была, но я была ребенком.

Мне был 21 год, когда я приехала в Осетию. Я тогда даже не понимала, когда что-то про грузин говорили, про осетин. Мы в школе не проходили эту историю, допустим, 20-ые годы не проходили. То, что было на самом деле – наши отношения. И они не учили. Я сама грузинскую школу закончила и там не было этого. Я даже не знала, что Давид Сослан был осетином, я даже не знала, что у царицы Тамары мать была осетинкой. Нас этому не учили. Не только осетин, но и грузин не учили, а школа была грузинская, хорошая была школа. Зато я научилась у них патриотизму, любви к родине. Всему этому я научилась в грузинской школе. Например, когда грузин-ребенок идет в садик, то он учит первый стих такой: *(говорит по-грузински)* «Я маленький грузин, сын кавказских гор и т.д.». Понятно?! Вот это первый стих, которому их учат! Поэтому грузинская школа – мощнейшая школа. Вот этот патриотизм – любить свою родину, любить свой язык, любить свой народ – этому меня научили грузины. Осетинский язык в семье мы сохранили

потому, что мы все время разговаривали по-осетински. Конечно, мы, дети, ходили в школу, но пока не открыли детский садик, все осетинские семьи разговаривали по-осетински. Даже если мама была грузинка, все равно осетины разговаривали по-осетински. Но когда открыли садик, и тогда уже начались и 90-ые годы, вот именно в этот период дети перешли на грузинский язык.

Школу я закончила в 1977 году. И стала кем мечтала. Правда, я мечтала стать балериной. И когда я пошла на танцы, я думала, что этим танцам меня и будут учить. В детстве ходила в хореографическую студию, потом закончила хореографическое училище и потом сразу приехала в ансамбль «Симд». Это была моя мечта. Зов крови. Я хотела танцевать в осетинском ансамбле, и не в «Алане», и не где-то, а именно в «Симде». Сразу после окончания училища я приехала в Цхинвал и меня сразу туда взяли и я танцевала.

Я помню этот день – я захожу в зал, меня смотрели тогдашние художественные руководители и, слава Богу, тогда были великие композиторы – Дудар Хаханов, Павел Битиев, хореограф – народный артист Аслан Кабисов. Тогда были такие вот элитные артисты. Тогда в Южной Осетии не было хореографического училища, были только кружки, а я прямо с профессионального училища, подготовленная руками профессиональных педагогов. Конечно, меня хорошо приняли. Руководитель говорил: «Нет ли еще там таких девочек как ты? Чтобы они в Осетии хотели работать? Пусть приедут». И мне кажется, я ни разу не подвела свой коллектив. И по-моему, от каждого человека зависит то, как тебя примут на новом месте – как ты себя поведешь, так и примут! Тем более в творческом коллективе. Двадцать лет я проработала в этом коллективе. От звонка до звонка (*смеется*). Это профессиональный стаж. И если бы не 90-ые трудные годы, я бы еще уверенно проработала пять лет на сцене. Артисты балета, это будет национальный или классический балет – у нас короткая, маленькая балетная жизнь. Вот артист драматического театра может работать до старости, а у нас короткая балетная жизнь.

Помню, как начинался этот конфликт. Я помню... Три дня стреляют, на четвертый день опять какие-то переговоры, опять какие-то статьи. И на четвертый день мы все одевали каблуки, делали прически, забирали репетиционные вещи и ходили в театр, где у нас был хореографический зал, и работали. Опять делали постановки, и концерты у нас были, и выступления были, и с детьми работали. Потом опять неделю напряженная обстановка, а через неделю опять мы ходили и работали. Тогда мы были сильные и здоровые. И духовно были очень богатые.

Что придавало нам тогда силы? Наверное, патриотизм, наверное, любовь к своему народу, уверенность, что мы не лишние люди на этой земле. И мы тоже имели право на жизнь. И рожали наши женщины, и прически делали, несмотря на то, что воды у нас не было, даже не месяцами, а годами. Из одного чайника воды мы и прически делали и умудрялись чисто и аккуратно ходить. А когда к нам приезжали журналисты, удивлялись – у них воды нет, того нет, а такие ухоженные женщины ходят по городу!

Есть люди, которые могут выразить свое горе стихами. Есть люди, которые плачут, например. Есть люди, которые ругаются, у них начинается истерика и они так выражают свои эмоции. А когда случилась Зарская трагедия, я хотела, пусть с моей стороны это звучит глупо, но... помните Инга Джиеова (*оперная певица*) приехала из Италии и у нас был камерный оркестр. Сделали творческий вечер. И в начале концерта меня попросили, чтобы мы станцевали один осетинский танец – «Плавный». Я была здесь, костюм у меня был. Ведь все наши костюмы в театре сожгли, а мой в тот момент случайно оказался дома. И... партнера здесь не было, он был уже в Северной Осетии. Я как-то его нашла, тогда ведь и мобильных телефонов не было. Как-то через пассажиров автобуса или уже не помню как, но ему передали и он приехал со своим костюмом и на этом концерте я танцевала «Плавный». Помню, что день был напряженный, напряженная была обстановка, но концерт все равно состоялся и я помню, как у меня текли слезы, а я танцевала. У меня было серебристое платье, а к горлу подступал комок. Я чуть не задохнулась. И эти слезы... Но что я хочу сказать, вспоминая это? Танец, возможно, для кого-то развлечение. А для меня это жизнь, это движение, это патриотизм, для меня это любовь к родине. Через танец я существую в мире и познаю его.

Как мы жили в тяжелые 90-ые? Например, у кого-то день рождения. И мы друг другу носили продукты, делились куском хлеба. Например, в то время масло давали по талонам. Если у кого-то из наших был ребенок, я, например, никогда себе не позволяла съесть это масло самой. Я делилась этим маслом с друзьями, у которых были дети. Как я могла позволить себе это масло съесть, когда у моих друзей было по двое, по трое детей?! Не было тогда и отопления. А это дрова. Допустим, идешь в гости к кому-нибудь и несешь с собой в пакете дрова. Выживали как-то, как могли и верили в будущее. Я лично верила. И сейчас верю. Я тогда думала – сейчас пройдут какие-то переговоры и все быстро закончится. Вот кто-то напишет какую-то статью и она, эта статья, все решит. По телевидению появляется хоть какая-то маленькая информа-

ция, поддерживающая нас, и мы думали: всё! Одно интервью и всё на этом закончится! И все в это, конечно, верили.

Два года я вообще ничего не знала о своей семье, которая жила в Грузии. Как-то я увидела во сне, что идет дождь. Дождь из камней. Они падали на всю деревню. А я иду, иду, наш дом построен на возвышенности, я иду, иду и падают камни, большие камни. Я тогда почувствовала что-то. Вот тогда нашу деревню выселили. Почувствовала я, инстинктивно это почувствовала. И один раз я вижу ночью сон, что моя бабушка, прабабушка, еще с нашей деревни старики и старухи, женщины, которых уже нет в живых приехали ко мне. Мы в подвалах тогда еще жили, и вроде они приехали ночью ко мне и я спрашиваю: «Что вы здесь делаете?». «Нас, – говорят, – выгнали». Потом я помню, что зарплаты по девять месяцев не бывало и я не могла выехать во Владикавказ. Да и это считалось предательством. И у меня была беременная соседка, у которой было еще двое маленьких детей. Как я могла их оставить?! У меня были друзья, которые каждый вечер стояли на постах. Я не могла уехать! Я не могла их оставить! И потом кто-то из Владикавказа мне сказал, что видели там мою семью. В деревне, где они жили на тот момент уже убили человека, там уже каждую ночь ездили машины, из которых стреляли, пугали их. Одного убили. После этого они кое-как оттуда вырвались. Когда я узнала, что они во Владикавказе, то как-то через Зарскую дорогу я поехала туда. Нашла их потом, они жили в общежитии. Брат, четверо детей, маленькие все, невестка и мама. 14 лет они жили в общежитии в одной комнате. Они больше не вернулись домой, только мама... Просто моя мама приехала туда в июне 2008 года. Сказала, что чувствует, что умрет, и хочет еще раз посмотреть на свой дом, свою деревню. Хоть один раз! «Позвольте мне это сделать», - сказала она нам. Мы ее через кого-то отправили. На нервной почве, наверное, у нее потом случился инсульт. Три с половиной года она была лежачей. Мы отремонтировали в том доме две комнаты. И сделали для мамы так, чтобы она смогла умереть в своем доме, который она с фундамента построила в свое время в Грузии. Это было ее мечтой – умереть именно там. Соседи-осетины все уехали, там остались только те, у кого жена была грузинка, жена была армянка, а чисто осетинские семьи все уехали. По большому счету, у нас в деревне не осталось ни грузинского, ни осетинского дома, который бы не обокрали. Но наш никто не тронул. Никто. Потому что у нас была репутация. И в грузинской деревне, и везде у нас друзья. Но сейчас поколение выросло уже и они нас не знают и знать не хотят. Я честно говорю, даже осетинские дома грузины купили, уже заселились, но все равно

их обкрадывают. Ничего не оставляют в этих домах. Но наш дом никто не тронул. А я осталась в Цхинвале, полностью посвятила себя работе и жила как все – не лучше и не хуже. О карьере и амбициях я никогда не думала. К сожалению, возможно. Вот как меня воспитывали, так я и поступала всегда, так и работала. А то, что приходило, приходило само собой – и карьера, и звания, и все остальное. У меня не было крутых знакомых за спиной. Я параллельно всегда работала с детьми. Но конкретно – с 2000 года. И я уже выпустила несколько поколений. Три поколения я уже выпустила. Кто-то выбирает потом эту профессию, кто-то не выбирает. И на учебу поехали наши дети в высшие российские вузы. С детьми работать лучше, конечно. Если ребенок не научится танцевать, хотя бы ходить не научится... Танец ведь не только для того, чтобы ребенок танцевал. Там, в танце, ребенок изучает эстетику, этику, физическое развитие, патриотизм, там и костюм, и традиции. Мы изучаем не только осетинские танцы. Кавказские танцы изучаем. В данный момент мы поставили дагестанский танец, абхазский танец. Дети очень хотят изучать аджарские танцы. Они их очень любят. Им нравится этот танец, искусство принадлежит народу. Они хотят, пусть изучают. Но показать на сцене танец... Там и костюмы нужны, там и музыка нужна, там много чего нужно для того, чтобы один танец полноценно показать на сцене. Для этого нужны и средства, и возможности, и желание, и, в конце концов, политическая атмосфера. А так, каждый народ первым делом должен учить свой танец, знать свое искусство. Каждый народ должен развивать своё первым делом, а потом, если будешь учить искусство другого народа – это говорит о росте человека. Он не унижается этим, а растет.

Я обожаю Мишу Саакашвили. Когда у меня бывало плохое настроение и Миша выступает (извините, что я называю его Мишей, но они тоже называли своего президента Мишей), у меня полностью снимался стресс. Во-первых, благодаря Саакашвили, правда жаль, что с обеих сторон погибли люди, да и я совсем случайно оказалась живой, и пусть меня простят те, у кого в семье кто-то погиб, но благодаря Мише у нас есть независимость. 2008 год... Как всем известно, «дорогой» Миша вышел, его показали по телевизору и он сказал, что ничего не будет. Потом три дня стреляли, три дня подряд! До 11 числа мы уже три дня ночевали в подвалах. Я помню, что в течение суток вообще ни на одну секунду не прекращалась стрельба. Мы все, конечно, спустились в подвалы. Мой сосед погиб, Санакоев, во дворе. И грузинские танки я видела. Я думала это российские танки. Я поднялась в подъезд и тогда я увидела, что на танке было написано по-грузински «полиция» и здесь

они сделали круг, а я думала это российские танки. Говорили же, что вот, идут, идут, идут, а мы трое суток сидели и не было никаких танков, никакой России. А тут я вижу – танки! А подвал у нас был полностью забит людьми. И я потом им говорю (люди уже с испугу цвет лица потеряли): «Не бойтесь, я хорошо говорю по-грузински, я буду здесь стоять и скажу им, что здесь только женщины и дети». Я им сказала, что встану и не пущу их. Хотя, что я могла? Потом там же одна женщина тоже сказала, что умеет говорить по-грузински. Но они повернулись и поехали, не остановились здесь, они поехали наверх до центральной площади. А потом через здание Совпрофа, где их, оказывается, взорвали. Конечно, погибло много знакомых. У нас в городе вообще чужих людей нет. Мы все знакомые, мы почти все родственники, почти все близкие люди. Все, кто умерли, все близкие были, все свои люди. Был момент, когда соседи говорили, что в сторону Грузии открыли коридор. И что с ТЭКа все могут поехать в Тбилиси. Всех примут. А я думаю: три дня... пятый день уже невымытые, грязные сидим в подвале, непричесанные, а у меня еще и тапочки... Я в жизни никогда не могла износить туфли, а тут в течение пяти дней у меня порвались две пары обуви. И сосед дал мне 42-го размера кроссовки. Носки дал другой мужчина. И вот так я и сидела в подвале. И тут я представила – открыли коридор, я – пленник, который идет в Грузию по этому коридору. И я подумала, что лучше я умру (*смеется*). А там стоят мои друзья, родственники, а я с поднятыми руками иду по этому коридору?! И я поднялась наверх в квартиру и потом за мной поднялся мой сосед, который, бедный, потом умер, и попросил спуститься в подвал. А я ему: нет! Никакого коридора!

11-го числа на улице Гафеза ни одного русского танка по-прежнему не было! 11-го утром наш сосед, у которого один сын до этого умер, а второй сын случайно оказался во Владикавказе и рвался сюда, сказал, что у него машина «Газель» и он выезжает отсюда, чтобы сын сюда не приехал. А это был единственный сын, который у них остался, поэтому не хотели, чтобы сын вернулся. А он оттуда рвется – родители здесь! Сосед говорит: «Поедем. Что будет, то и будет!». И вроде 11-го утром было затишье. И мы, еще сосед со своим ребенком, еще двое детей, решили рискнуть. И поехали. Но когда мы увидели город... Нам понадобилось два часа, чтобы вырваться из города. Стекло и т.д. Никак невозможно было по улицам ходить и ездить, и мужчины выходили, чтобы очищать путь. Потом опять – покрышки рвались из-за стекла, их меняли где-то в углу, и еле-еле мы выбрались на Зарскую дорогу. И там тоже видела ужас – машины взорванные, убитые люди валялись везде.

Везде валялись люди! Ужасные вещи. Я не могу описать всего, что там было. Я думала, что нахожусь в каком-то кошмарном сне. Где-то нога валялась, где-то руки. Доехали до Джавы, машина испортилась. А сын моего соседа уже добрался до Джавы. И вот 11-го числа я увидела уже, что танки шли туда. Я вернулась через неделю. В соседнем корпусе горела крыша, наверное, туда мина попала, а куски этой крыши были на моей кровати. И целую неделю я просто сидела и ничего не могла делать. Думала, пойду, уберу, приберу, но физически ничего не могла делать. У меня было какое-то оцепенение. Соседи тоже все равно собирались в подвале, потому что там у нас было уже всё: свечи, у кого свет горел, все равно там собирались, там раскладушки были, все равно мы там неделю с соседями были. Мы не могли подняться в свои квартиры.

Но жизнь продолжается, дети растут, наши женщины рожают. Вот, например, зимой, не видно, что наши женщины в положении. А весной, когда уже тепло, посмотришь, а тут все гуляют с колясками. Ты смотришь и думаешь: когда они были беременными? Когда это случилось?! А когда в парке какие-нибудь мероприятия? Смотришь, а там столько детей! Такое ощущение, что скоро школ на них не будет хватать! Мы, осетины, живучий народ, по-моему. Всё будет хорошо! В душе, я, конечно, не расслабляюсь и бываю всё равно напряжена. У меня вот этот комплекс, обида, всё равно есть.

Наше поколение может быть на старости что-нибудь и увидит. На это годы могут уйти, а может быть и века. Потому что мы вместе с грузинами жили, и так быстро всё испортилось. Но восстановить все это... Допустим, наши дети не понимают какие они, грузины? Они не живут среди грузин, они не общаются с ними. Они растут так, что грузины – это их враги, а грузинские дети растут так, что осетины – это убийцы и страшные люди. Но вот как можно их переубедить? Это надо много, много, много лет, чтобы они забыли всё это. Это поколения нужны. Мы, наверное, это уже не забудем. Мы общаемся, я никогда не желала им плохого, даже во время войны. Я не могу пожелать грузинам плохого, не могу! Потому что я среди них выросла и образование там получила. И еще раз повторюсь – любить свою родину, любить свой народ – этот урок я там получила. Я не могу ненавидеть их, я не могу не любить их, я не могу пожелать плохого грузинскому народу и никогда не могла этого. Хотя были у меня такие моменты, когда убивали близких людей. Тогда страшные мысли были у меня. Но это и от человека зависит. Я же не решаю проблемы всего осетинского народа. Я индивидуальный человек, который рассказывает о своей жизни и выражает свои мысли. А всё это решает обычно большая политика, к со-

жалению, не маленькие люди. Если я кого-то любила из своих друзей, родственников-грузин, то в моей душе ничего не изменилось. Я также люблю их, также общаюсь, также, если не часто, то хотя бы в год один раз встречаюсь. Но когда мы встречаемся, случайно или неслучайно, мы стараемся не затрагивать болезненные точки. Мы бережем друг друга. Потому что я тоже осетинка из Грузии и у меня тоже есть то, что я там потеряла. Если даже в общем ничего, то хотя бы могилы предков, которые у меня остались там. А они потеряли что-то здесь. Так что мы все что-то потеряли, что-то важное в этой жизни и мы стараемся не говорить о таких вещах, которые могут принести нам боль.